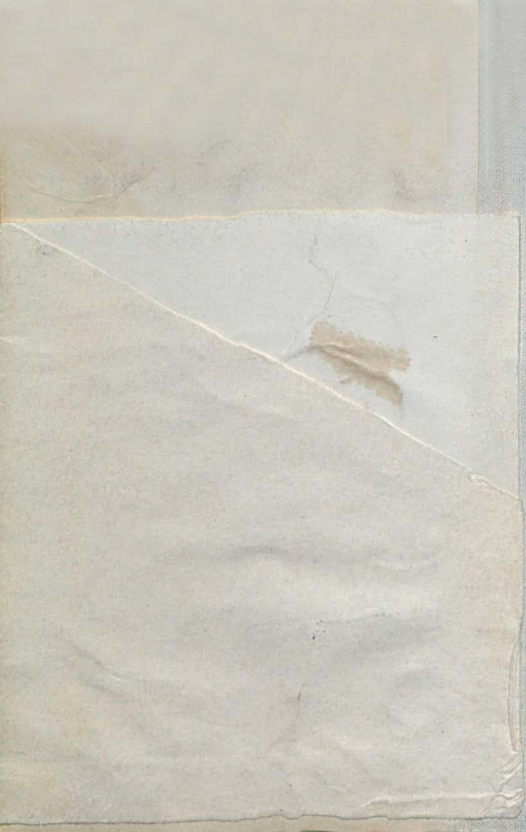
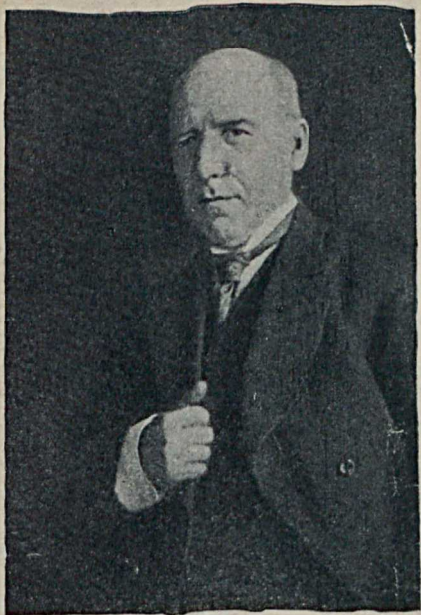

9 $\frac{268}{91}$

119 576

Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А
малая серия № 53

9268
191
ФЕДОР СОЛОГУБ

1863-1923
СТИХОТВОРЕНИЯ

9 268
91
8756
Вступительная статья
и редакция текста
Ореста Цехновицера

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

1939

C 60

2010389994

19806-39

ФЕДОР СОЛОГУБ

Федор Кузьмич Тетерников (Федор Сологуб) родился 17 февраля 1863 года в Петербурге. Его отец был портной, мать — крестьянка. Когда ребенку было четыре года, отец его умер от чахотки, а мать пошла в прислуги. Служила она в семье неких Агаповых, у которых и протекало детство Сологуба. Семья была культурная и покровительствовала ребенку своей прислуги. Учиться Сологуб начал в уездном училище, затем окончил Петербургский учительский институт и стал преподавателем математики в городе Крестцы Новгородской губернии. Первые стихи Сологуб написал в 1875 году — двенадцати лет отроду. В 1879 году начал писать роман, оставшийся, впрочем, неоконченным. Прожив три года в Крестцах, он переехал в Великие Луки, где прожил четыре года. Его первое стихотворение было напечатано в журнальчике «Весна» в 1884 году.

Годы пребывания в провинции отразились в сознании и творчестве Сологуба (романы «Тяжелые сны» и «Мелкий бес»,

многие образы которых взяты с натуры). В 1889 году Сологуб перевелся в г. Вытегру в учительскую семинарию; пробыл там три года, много писал, начал переводить Верлена. В 1892 году Сологуб переезжает в Петербург. В этом же году познакомился с Д. Мережковским и З. Гиппиус (годом раньше — с Н. Минским). Он начинает сотрудничать в раннем органе русских символистов «Северном Вестнике», редактировавшемся Л. Гуревич и А. Волыньским. В редакции «Северного Вестника» и был придуман начинающему (уже тридцатилетнему) автору псевдоним «Сологуб». Знакомство с петербургскими поэтами-декадентами Ал. Добролюбовым и Влад. Гиппиусом относится к этому же времени. Но поэт не прерывает своей педагогической деятельности. В 1899 году он был назначен инспектором городского училища. Его служебная деятельность продолжалась вплоть до 1907 года, когда Сологуб по выслуге двадцатипятилетней пенсии был уволен в отставку и всецело преданся литературе. И лишь к этому времени, в особенности после издания в том же 1907 году в полном виде его романа «Медкий бес», приходит широкая известность и популярность Сологуба.

Глубоко интимное творчество Сологуба долгие годы было известно лишь небольшому кругу почитателей. Этот поэт был замкнут в кругу своих личных пережива

ний. Тема личности у него покрывала все остальные. Восприятие лирики Сологуба требовало специальной поэтической культуры. Нужно было развернуться поэтическому творчеству Брюсова, Бальмонта, Блока и Белого, чтобы по-настоящему был оценен Сологуб. Второе поколение символистов признает заслуги своих предшественников. Андрей Белый вскоре скажет о Сологубе, что он «один из первых стилистов нашего времени». Белый отметит «яркий, отточенный, жалящий слог поэта», сочетающий «простоту и изысканность, холод и огонь, нежность и суровость». Но это признание будет идти рядом с хулой бульварной прессы, которая будет говорить о Сологубе как о поэте вычурном и холодном, психопате и сумасброде, порнографе и самодуре. «Новое Время» так оценит литературную деятельность поэта и прозаика: Сологуб соединил в своем творчестве все, что есть в мире глупого, уродливого и подлого, в один сгусток бешенства и гнили... Сологуб — это обидная и уродливая карикатура на русского писателя». ¹ Биограф поэта Анаст. Чеботаревская вынуждена признать, что писательский путь Сологуба был усыпан весьма колючими терниями. Сам Сологуб в романе «Навьи чары» так характеризует свое творчество: «Его сочи-

¹ А. Б у р н а к и н. Литературные заметки. «Солоклоун». «Новое Время», № 13451, 23 августа 1917 г.

нения — новеллы и лирические стихи — не отличались ни особой непонятностью, ни особыми декадентскими вычурами. Но они носили на себе печать чего-то несомненно странного и болезненного. Надо было иметь особый строй души, чтобы любить эту, простую с виду, но столь пряную поэзию».

Этот строй души станет типическим в годы реакции, наступившей после поражения революционного движения 1905 года. Тогда российский обыватель и полюбит эту «простую с виду, но столь пряную поэзию».

2

Сологуб вошел в литературу в мрачные годы реакции, наступившей после разгрома царизмом народовольчества. В эти годы поколение народников — героических борцов против царизма — сменилось поколением легальных народников, на смену революционной агитации явилась проповедь малых дел. В эти годы в рядах интеллигенции царствует почти всеобщий оппортунизм и приспособленчество — в политике, в жизни и в литературе. В душевной российской действительности 80-х годов, вне пролетарского революционного движения, единственно могущего дать силу, бодрость и веру в грядущее, и формируется сознание юноши Сологуба, этого сына нужды, наблюдавшего из кухни, где стряпала на господ мать, «блестящую» жизнь власть имущих,

Он впоследствии испытывает на себе весь гнет российской провинции того времени. В Крестцах, где начнет свое учительство Сологуб, в темные вечера люди ходили по улицам с собственными фонарями, рискуя утонуть в невылазной грязи. Дикое пьянство и озорство — вот какой удел ждал жителя этих медвежьих углов. Впоследствии, изобразив этот быт в романе «Мелкий бес», Сологуб скажет, что он значительно смягчил краски, что был он свидетелем таких фактов, которым никто бы все равно не поверил, если бы их описать. И этот поэт, затянутый в чиновничий мундир учителя, этот человек, приученный с детских лет к покорности и почтительности, не сумел, не нашел в себе силы поднять протест против страшного быта, его окружавшего:

Для меня закон — смиренье,
Удаленье от борьбы,
И безмолвное терпенье
В испытании судьбы —

определит в последующем Сологуб свое мироотношение. Отвержение к окружающей действительности не вызывает в нем гнева и жажды борьбы — тех чувств, которые родились у юноши Горького — грядущего буревестника пролетарской революции. Нет, Сологуб сразу же будет мечтать об уходе от людей и не будет даже пытаться осознать причины и источник того зла,

какое его окружает. Он сразу же расписывается в своей беспомощности и говорит:

Я безлепидей измучен,
Житие кляню мое...

или:

Грустно грежу, скорбь лелею,
Паутину жизни рву,
И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.

И поэт станет искать спасенья в самом себе. Он отвергнет окружающий его жестокий мир для того, чтобы возвысить и возвеличить свое «я». Он скажет себе, что единственное средство спасения, чтобы не погибнуть в этой жизни, — это уйти в тихую обитель своей личности, отгородиться от внешнего мира. Отсюда через все творчество Сологуба пройдет мотив одиночества: «Я был один в моем раю...», «Я жил как зверь пещерный...», «Порочный отрок, он жил один...» и т. д.

Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край,
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай —

вот завет Сологуба. Ход рассуждений поэта примерно таков: пусть жизнь бессмысленна и убога, пусть на земле царит зло, я, поэт, и я в силах, путем творческого порыва,

создать в себе гармонический мир, не знающий противоречий реальности:

И что мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры?

.

Что бьется за стеною, —
Не все ли мне равно!
Для смерти лишь открою
Потайное окно.

И Сологуб создает в своих мечтах новое бытие, которое и ждет человека за могилой, на звезде Ойле, озаряемой солнцем Маир, иным солнцем, чем наше. Земное солнце — это злой, грубый, пламенеющий дракон, под лучами которого цветет земная пошлость. На Ойле человек найдет блаженную, преображенную жизнь, сияющую красотой. Но далека Ойле, и приходится человеку пока томиться в земной неволе. Что же делать сейчас человеку? Надо преобразить жизнь мечтой. Дон-Кихот силой воли своей, могуществом своей творческой фантазии создал из дебели Альдонсы прекрасную Дульцинею. Будем «дульцинировать» жизнь — говорит Сологуб. Этой задаче поможет искусство. Искусство не должно учить правде, оно не должно служить и жизни, потому что оно выше жизни. Искусство должно увести от жизни, оно должно

сотворить чудо преобразования реального. Эти утопические положения о возможности спасения путем идеалистического порыва Сологуб повторит в романе «Творимая легенда». Он здесь расскажет о том, как происходит это «тайнодействие»: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт. Косней во тьме тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром — над тобою жизнь, я, поэт, воздвигну творимую легенду, мою легенду об очаровательном и прекрасном».

Но если я сам являюсь творцом жизни, то я — маг, чародей. Для идеалистов подобного толка отсюда закономерно вытекает самовозвеличение, весь мир замыкается вокруг самого творца. В результате уездный учитель, чиновник в мундире, застегнутом на все пуговицы, Федор Кузьмич Тетерников, заявляет, что он является творцом мироздания, ибо по его прихоти рождаются новые гармонические миры:

Я создал небеса и землю,
И снова ясный мир создам...
.

Я бросил вызов небесам,
Но мне светила возвестили,
Что я природу создал сам.

По пути самовозвеличения Сологуб дойдет до обожествления самого себя и станет писать «Я» с прописной буквы. «Ибо

все и во всем — Я, и только Я, и нет иного, и не было, и не будет».

С внешней стороны эта поза может показаться страшно смелой и богоборческой. Ведь поэт даже Христу бросит вызов и прославит дьявола:

Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: Отец мой, дьявол,
Спаси, помилуй, я тону!

Но на самом деле этот солипсизм есть выражение не силы, а слабости, хотя Сологуб и пытается создать впечатление силы. Увидав в современности лишь «ёрническое рыло» Передонова — героя своего романа «Мелкий бес», Сологуб стал служить «Литургию Себе» и отказался от окружающего мира.

В результате поэт остался лишь в кругу своих интимных переживаний, и здесь, в одиночестве, он приходит к сознанию своего бессилия и своей обреченности. Он видит, что в жилах его струится «растленная кровь» — кровь людей, отравленных миазмами тлетворных испарений эпохи реакции. Тонкий и вдумчивый поэт увидел то, что видели и другие его собратья по литературной школе. Ведь Ал. Блок также скажет про себя: «Предки мои — поколение рабов». Эти потомки рабов и поднимут бунт против жизни, против действительности. Но замкнутые в кругу

своих интимных переживаний, вне связи с общественностью, с революцией, они будут, как Сологуб, говорить об «отраве больных вдохновений» и начнут славить смерть как единственный выход из безысходности, и тогда Сологуба начнет тяготить то одиночество, которое он сам воздвиг вокруг себя, и тогда он скажет:

Иду я один, убегая
В безмолвие тайных пустынь.

Этот пессимизм — логический итог солипсизма — приводит к исключительно мрачным тонам, в которые окрашивается вся поэзия Сологуба. Поэт-маг доходит до предела в самообличении своего опустошенного «я». Он создает такие образы и говорит о себе с такой откровенностью, которая, признаться, имеет не много precedентов в мировой поэзии (мы вспоминаем лишь отдельные стихотворения Бодлера и Рембо).

Вот хотя бы одно из самораскрытий поэта:

Твоя душа — немножко проститутка,
Ее друзья — убийца и палач,
И сутенер, погромщик и силач,
И сводня старая, и проститутка.

Создавая образ поэта-одиночки, Сологуб сравнивает его с бездомным псом, воющим на луну; он говорит о нем как о собаке, потерявшей чутье и вкус.

Из этого отчаяния и безнадежности поэт снова и снова стремится вырваться путем превращения девки Альдонсы (жизни) в деву Дульцинею (мечту). Поэт стремится убедить себя, что при уходе в «мечту» его ждет не мнимое, а реальное спасенье. Он создает вымышленную искусственную жизнь, идя по тропинке, проторенной его предшественниками и современниками в европейской символической поэзии. Эта поэзия, наиболее ярко и полно расцветшая во Франции, выросла там также в обстановке реакции, наступившей в итоге разгрома при Седане и поражения Парижской коммуны. Противопоставление вымышленной искусственной жизни реальному миру у Марселя Швоба, автора «Вымышленных жизней» («Vies imaginaires»), — характерно в такой же степени и для Сологуба. Но какие ни делает поэт попытки уйти от жизни в эстетический вымысел, суровая действительность все равно, несмотря ни на какую позу и заклинания, врывается в жизнь и говорит о себе полным голосом. И не случайно через всю поэзию Сологуба проходит смешение вымысла с суровой реальностью.

С этой стороны Блок правильно расценил поэзию Сологуба, сказав, что предмет его поэзии «скорее душа, преломившая в себе мир, а не мир, преломленный в душе». И в результате «демонизм» поэта, его от-

рицанне мира, его солипсизм воспринимаются не всерьез, а как поза.

Мы видим высокого мастера поэтического слова, отдающего дань моде и вкусу своего времени.

Крайний индивидуализм, символизм и эротика — три типичных черты декадентства — со всей полнотой отразились в творчестве Сологуба. И, несмотря на все попытки зачураться от жизни словом «красота», несмотря на магические заклинания от окружающих «нежитей», «чурашек», «болвашек», «шутиков-жутиков» и проч. и проч., все же жизнь врывается в поэзию Сологуба. Недаром за поэтом неотступной тенью повсюду следует «одноглазое дикое лихо». И, помимо своей воли, этот поэт-фантаст и мечтатель становится поэтом-реалистом, он дает жуткие зарисовки голода, периодически охватывающего царскую Россию, он показывает обездоленного, оборванного русского крестьянина, гибнущего от неумолимого Стрибога. Он создает яркие по выразительности и по реалистической силе картины своей бескрайной родины. Он рисует странника, бредущего с клюкою по тяжелым и долгим российским дорогам. И слушая звон колокольчика, поэт видит тех, кто везется Стрибогом — царизмом в «изгнание, без надежды возврата, на тоску-страданье». В этом унылом збоне Сологуб слышит живую речь о муках обездоленного народа.

Эта реалистическая струя с особенной силой ворвется в прозу Сологуба и прежде всего в его роман «Мелкий бес». Но и здесь фантастическое тесно переплетется с реалистическим. Несмотря на заверения писателя, что роман его — «зеркало, сделанное искусно» («ровна поверхность моего зеркала, и чист его состав. Многократно измеренная и тщательно проверенная, она не имеет никакой кривизны»), — несмотря на эти заверения, читатель отказывался видеть здесь реальную картину действительности. Деятели реакции в особенности объявили роман клеветническим. Они утверждали, что «изображать действительность Сологубу и в голову не приходило, — что это «не его дело», «не его тема», «не его интерес»... Сологуб никогда не задавался вопросом или тревогою о «состоянии России». И мог бы своего Передонова поместить с равным удобством на Сандвичевых островах, как и «в провинциальном русском городе»: ведь характерно не то, что он носит мундир учителя гимназии и говорит русскими словами, с русскими «примечаниями» речи... Характерно и поразило всю Россию, что он мажет кота вареньем и хочет жениться сразу на трех сестрах, выбирая которая «потолще». Но это «характерное» присуще Сандвичевым островам не менее, чем «бедной русской провинции»; вернее же, оно вовсе никому и ничему не присуще, кроме странного сологубовского вооб-

ражения... И никого, и ничего не «характеризует», кроме опять же психики автора и его биографической судьбы». ¹

И правда, и неправда была в этих злых словах нововременца Розанова. Царской действительности эпохи реакции было многое присуще, характерное и для Сандвичевых островов, и даже похуже, посквернее и погаже. Но зеркало Сологуба все же шлифовано было искусно, и идеалистические изгибы в нем наличествовали. Много же отражало оно реально. Это и заставило Блока отметить, что в «Мелком бесе» Сологуб «тонко владеет приемами реалистической повести и позволяет читателю жить простыми бытовыми сценами и умными житейскими наблюдениями». Но следует сказать, что и здесь, дав реальные сцены, отобразив страшное лицо своего времени, Сологуб не до конца отверг его, а эстетически залюбовался даже Передоновым и всей грязью душной провинциальной жизни. Отсутствие четких политических позиций обесценило роман так же, как и поэтическое творчество поэта.

Сологуб откликался на современность, он даже поднимал против нее бунт, но последний был обесценен идеалистическими позициями автора, его самодовлеющим эстетизмом. В те дни, когда самодержавие

¹ В. Розанов. «Новое Время», № 12300, 11 июня 1910 г.

организовало средневековый процесс в обвинении евреев в ритуальных убийствах, в дни процесса Бейлиса, Сологуб написал свою «Жуткую колыбельную». Поэт здесь осуждает подлинных убийц ребенка, осуждает и организаторов этого каннибальского процесса, но все это дано в таких объективистских тонах, что читатель мог истолковать произведение и в плане оправдания убийства и гнусной провокации. В результате произведение вызвало двойственную реакцию: с одной стороны, черносотенная пресса подняла травлю против поэта, заявив, что своей колыбельной Сологуб «опоганил самую форму колыбельной песни» и «самым гнусным образом инсинуирует на тему об убийстве «знавшего о ворах» мальчика матерью другого, воровкою, пользуясь совершенно прозрачно рассказами «шмар» и сыщиков...»¹ Но и радикальная пресса была вынуждена выступить против Сологуба: «Одесский Листок» писал, что эта песня «воистину жуткая, ибо написана она на «слова» популярной Веры Чеберяк... Впрочем, она не совсем правильно названа колыбельной; она скорее похожа на погромную. Вера Чеберяк и ее покровители могут гордиться: про них и сказки расскажут и песни споют».²

Из этих примеров можно видеть, что

¹ В. Комаров. Радикальный тетерев. «Земщина», № 1492, 6 ноября 1913 г.

² «Одесский Листок», № 266, 7 ноября 1913 г.

неоднократно декларированное Сологубом «неприятие жизни», «бегство от людей» были для поэта своеобразной общественной позицией. На самом деле и в своей прозе, и в поэзии, и в огромных по количеству публицистических статьях и заметках он широко откликался на события современного дня.

3

Как мы отмечали, общественные взгляды поэта были расплывчаты и туманны, а потому отклики на темы дня зачастую преломлялись в его произведениях самым неожиданным и «фантастическим» образом. Вместо того чтобы воззвать к протесту и революционной борьбе, поэт стремится увести читателя от дня в «вечное». Поэт мечтает лишь об одном: «Ах, хоть бы уснула ты, моя тревога!» Но если сон временен, то надо славить «сон беспробудный» — смерть. Отсюда вытекает цикл стихов, славящих не борьбу, не революционный протест, а уничтожение:

После жизни недужной и тщетной,
После странных и лживых томлений,
Мы забудемся сном без видений,
Мы потонем во тьме безответной,

И пускай на земле, на печальном просторе
Льются слезы людские, бушует ненастье.
Не найдет нас ни бледное, цепкое горе,
Ни шумливо-несносное счастье.

Подлинные истоки этого славословия в честь смерти заключены в душевном опустошении, в безыдейности, в отсутствии каких-либо перспектив:

Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы, —
Мы созрели
Для могилы,
Отдадимся могиле без спора,
Как малютка своей колыбели,
Мы истлеем в ней скоро,
И без цели...

Сологуб сам говорит о своей ¹⁴больной судьбе, что он полон безверия в настоящее и знает лишь, что «в смерти нет обмана». Встав на эти позиции отрицания жизни, Сологуб стремится достигнуть высшей бесстрастности. Из ряда своих стихов он стремится удалить какие-либо проблески жизни, изъять реальное, придать им сторонний, равнодушный отблеск отвлеченной «вечности». Он пишет застывшие, ровные стихи, полные холода:

Я напрасно ожидаю
Божества,
В бедной жизни я не знаю
Торжества.
И безмолвный, и печальный
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальний,
Я умру.

Сологуб создает в поэзии тот своеобразный «кладбищенский» стиль, который ярко и зло высмеял Горький, говоря о «паточном, елейном стиле» его поэзии.¹ Наоборот, современная декадентская критика приходила в восторг от этой поэзии. Она писала, что при чтении стихов Сологуба «понимаешь впервые, что и кладбище бывает прекрасно. Кладбищенская тишина, кладбищенская мудрость и грусть».² Особенно восхвалялись эти темы в годы реакции, когда упадочнические настроения среди российской либеральной интеллигенции, культивируемые рядом таких писателей, как Л. Андреев, Арцыбашев и Сологуб, привели к эпидемии самоубийств. В это время некоторые слои молодежи увидели в этих литераторах своих пророков и учителей. Их творчество становится социально опасным, и бой против этих упадочнических, «кладбищенских» настроений подымает А. М. Горький. В «Вопросах Жизни» 6 июля 1912 года Горький поместил статью, в которой разоблачал проповедь отказа от жизни, исходящую от реакционных кругов современной литературы. В своей статье Горький протестовал против той проповеди бессцельности бытия,

¹ М. Горький. Материалы и исследования. Институт Литературы Академии Наук СССР, т. I, Л., 1934, стр. 95.

² К. Чуковский. Навьи чары мелкого беса. О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки. Сборник, сост. Анаст. Чеботаревской, стр. 57.

бесмысленности социальной работы и отрицания творческих сил разума и воли, которой пронизано и творчество Сологуба. Горький спрашивал, чему учит Сологуб? И отвечал:

«Живи и знай, что ты живешь мгновенье».

«Быть с людьми — какое бремя!»

«Иди в толпу с приветливою речью и
лицемерь».

«Все дороги на земле
Веют близкой смертью, веют вечным злом
во мгле».

«Здесь обманет, —
В смерти нет обмана».

«Все, чем жизнь тебя манила,
Обмануло, изменило
Неизбежная могила
Не обманет лишь одна».

«Впечатления случайны,
Знание ложно,
Проникать в святые тайны
Невозможно».

«Умереть или жить,
Расцвести ли, зазвенеть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли, —
Все равно — умереть или жить».

«Вся жизнь, весь мир — игра без цели.
Не надо жить».

«Я, конечно, знаю, что это — хорошие стихи и что прямого призыва к физическому самоубийству в них нет, — писал Горький. — Просто Сологуб обещал «бесстрастно смерть прославить» и славит ее, а как это бесстрастное прославление смерти подействует на замученных и усталых людей его родины в тяжкий и большой момент, переживаемый ими, — это его не занимает. В одном из хороших своих стихотворений он говорит:

В поле не видно ни зги,
Кто-то кричит «помоги!»
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал —
Как помогу!

У Андреева и Арцыбашева нет такого честного и скромного сознания их бедности и малости, — они видят себя титанами, разрушающими зло и ложь мира, никем до них не замеченные и не понятые... Я уверен, что видел и вижу в жизни грязи, лжи и всяческой скверны не менее, а больше, чем Арцыбашев, Андреев и Сологуб, вместе взятые. Это не бахвальство, никто не смеет упрекнуть меня в хвастовстве, — просто я знаю, что круг моих наблюдений шире, чем круг наблюдений гг. пессимистов, и я

не имею оснований считать себя человеком, менее грамотным, чем они. Я тоже хорошо знаю, что когда истрачу все силы на утверждение жизни, — то непременно умру. Но я глубоко уверен, что после моей смерти мир станет не менее, а более интересным, еще богаче красотой, разумом и силой творчества, чем был при моей жизни... Устраните классовую борьбу, поддерживающую в человеке зоологические инстинкты жадности, страха, злобы; устраните социальное неравенство, и это, облегчив переход физической энергии в духовную, — увеличит в мире количество, улучшит качество интеллектуальных сил... Подчиняться усталости не следует, и надобно следить, чтобы молодые наши силы не уставали преждевременно»¹ — таков был ответ великого пролетарского писателя гг. пессимистам из буржуазно-дворянского лагеря. В одной из своих сказочек, помещенных в «Русском Слове» от 16 декабря 1912 года, Горький снова выступает против повоеванных проповедников смерти. Здесь Горький вывел поэта Евстигнея Закивакина, который «долго жил в тихой скромности, в робкой зависти и вдруг неожиданно прославился». Вначале он сочинял объявления в стихах для «Анонимного бюро похоронных профессий», а потом начал печат-

¹ М. Горький. Издалека. «Вопросы Жизни», № 27, 6 июля 1912 г.

таться в газете «Жатва Смерти». Здесь ему и псевдонимец выдумали: «Смертяшкин». «С этого времени, — пишет Горький, — стали его на вечера приглашать, на свадьбы, на похороны да на поминки, а стихи его во всех модных журналах печатаются по полтине строка, и уже на литературных вечерах полногрудые дамы, очаровательно улыбаясь, читают «поэзы Смертяшкина»:

Нас ежедневно жизнь разит,
Нам отовсюду смерть грозит.
Со всяких точек зрения,
Мы только жертвы тления!

— Браво-о! Спасибо-о! — кричат жители».

Благодаря целому ряду «совпадений» Сологуб узнал себя в этой сказке и написал полное личной обиды письмо Горькому. Последний в своем ответе высмеял Сологуба за его догадки, что Смертяшкин «метил» именно в него; Горький удивлялся, как это он, «человек грамотный и, вероятно, уважающий себя», мог столь странно и неловко истолковать его фельетон. Горький писал, что Смертяшкин — «это тот безымянный, но страшный человек, который все, — в том числе и ваши идеи, даже ваши слова, — опрощает, тащит на улицу, пачкает и которому, в сущности, — все, кроме сытости, одинаково чуждо».¹

¹ М. Горький. Материалы и исследования, т. I, стр. 196—197.

Уйдя от жизни в абстрактные области «чистого» искусства, Сологуб восславил не только смерть, противопоставленную жизни, но и отвлеченные идеалы красоты. И здесь прежде всего он воспевает «чистым светом осиянную, радость взоров, наготу». Он стремится запрягаться от жизни не только за кладбищенскую ограду, но и за эротический вымысел. Последнее было характерно в равной степени почти для всех портов символизма. Смердяковская формула «все дозволено» декларируется в эпоху реакции всей декадентской поэзией. Символистская эстетика сделала эротику своей неотъемлемой частью. В противоположность былым общественно-целомудренным традициям народнической поэзии, деятели нового искусства выступали с проповедью демонизма и возгласили о силе «порочного дерзновения и греха». Они воспевали блуд и сатанинство, они славилы шабаша ведьм, извращенную любовь суккубов и инкубов, жаб в черных платьях и нотр-дамских химер. Недаром еще в 1903 году З. Гиппиус писала П. Перцову: «Сидим в клоповой яме, темно и душно, а Бальмонту лишь бы целоваться хоть с клопиками».

Особого расцвета эротизм достиг в годы реакции. В это время он уже выродился в откровенную порнографию, совмещенную с мистикой. Неудачливые кондотьеры отвер-

тили лицо свое от разгромленного в Манчжурии и в водах Цусимы царизма и стремились, путем проповеди культа личных радостей во плоти, увести своего читателя от действительности. Хотя деятели нового искусства и декларировали свою полную свободу и независимость от «суетной жизни», этот эротизм являлся не чем иным, как своеобразным заказом времени. Недаром В. И. Ленин, обращаясь к современному буржуазному индивидуалисту, спрашивал его: «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству?» — «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, — отвечал Ленин. — Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания». ¹

Выполняя свою роль «содержанки», буржуазно-дворянское искусство и стало на потребу социальному заказу реакции творить искусство, уводящее от современности в область религии (тема смерти у Сологуба) и в область пола. Причем бурное цветение порнографии приняло такие формы, что пришлось вмешаться царской цензуре. Ряд

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 389.

произведений Сологуба вызвал цензурное преследование против автора с возбуждением специальных судебных дел. Так, в 1908 году Московский комитет по делам печати наложил арест на брошюру Сологуба под заглавием: «Сказки для взрослых» («Царица поцелуев», «Мемуары клопа»), вып. 1. Причина ареста, как это можно узнать из отношения Московского комитета от 10 сентября 1908 года, была вызвана тем, что «все названные рассказы отличаются скабрёзно-похабным и пошлым содержанием порнографического характера, чему вполне соответствуют, между прочим, и рисунки на обложке издания».¹ Цензурное преследование вызвал и один из самых лучших и глубоких сборников стихов Сологуба «Пламенный круг». Но так как Сологуб, следуя традициям символистской поэзии, эротические темы отдельных произведений зашифровывал, то ему удавалось свои произведения этого характера все же печатать, ибо суд затруднялся, руководствуясь точным истолкованием закона, применить его действие к тому или иному произведению.

Как мы говорили, эта тема эротики, вознесенная Сологубом не только в поэзии, но и в прозе, сполна вытекала из общего характера его мировоззрения. Здесь то же

¹ Дело II Отделения Канцелярии Главного управления по делам печати № 79, 1908.

стремление увести читателя от жизни. Сологуб не смог преодолеть той действительности, о которой Ленин говорил, что она характеризуется «упадком, деморализацией, расколом, разбродом, ренегатством, порнографией на место политики». ¹

5

Несколько иные звучания могут быть отмечены в поэзии Сологуба в годы первой революции. Неудача русского оружия на фронте и подъем революционного движения внутри страны, — все это заставило русских буржуазно-дворянских литераторов пересмотреть свои позиции и усомниться в своих сановных союзниках. Ленин в это время писал, что «либеральная буржуазия «порозовела» после 9 января; она начинает «краснеть» теперь после одесских событий, ознаменовавших (в связи с событиями на Кавказе, в Польше и т. д.) крупный рост народного восстания против самодержавия за полгода революции». ² И действительно, 1905 год ознаменовался небывалыми по количеству и упорству стачками, столкновениями с царской полицией, жандармерией и войсками, организацией первых советов рабочих депутатов, заревом помещичьих дворцов-усадеб, по-

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., т. XXV, стр. 176.

² Там же, т. VIII, стр. 128.

дожженных крестьянской беднотой, брожением в войсках, восстанием на броненосце «Потемкине» и всеобщей политической стачкой. Наконец, в декабре 1905 года революционная волна достигает своей вершины, когда свершается переход от всеобщей стачки к вооруженному восстанию в Москве, Сормове, Горловке, Ростове-на-Дону и в ряде других городов.

«Во время военных столкновений народа с силами самодержавия, — как отмечал Ленин, — либеральные буржуа прячутся по своим норам... Они выходят на сцену по окончании военных действий». ¹ Суровые дни революционных боев положили свои ответы на российских буржуазных писателей.

«Идет вперед революция, за ней ковыляет и буржуазная демократия» — пишет Ленин в статье под характерным заголовком: «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти». ² Здесь Ленин вскрыл истинный характер этой демократии, как буржуазной демократии, «представляющей интересы имущих классов, отстаивающей дело свободы непоследовательно и своекорыстно». ³

«Порозовение» и, наконец, «покраснение» мы можем отметить в это время среди деятелей буржуазно-дворянского символизма.

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 128.

² Там же, стр. 129.

³ Там же.

В начале революционных боев они попрятались «по своим норам», потом они «порозовели» и, наконец, покрылись красной краской. Не избежал этой эволюции и Сологуб. Но, в отличие от Бальмонта, Минского и даже Брюсова, в его творчестве еще до революционных боев 1905 года звучала та обличительная тема, которая теперь, благодаря событиям, была поднята на большую, нежели прежде, высоту. Недаром Сологуб еще за несколько лет до революции опубликовал свои «Политические сказочки», о которых царская цензура заявляла, что здесь писатель «глумится над существующим у нас строем и восхваляет порядки других стран, то есть, очевидно, конституционных».¹ И вот сейчас, в новые дни, Сологуб, разочаровавшись в силах царизма, включается в общий революционный подъем страны. Он принимает участие в журналах и газетах политико-сатирического направления: «Зритель», «Сигнал», «Пламя», «Вольница», «Молот», «Зеркало», «Светает», «Адская Почта» и «Ярославская Колотушка». Пользуясь псевдонимом, Сологуб подписывает различные оппозиционные резолюции и связывается с революционным движением. Целый ряд его произведений этого времени отражает в себе и подлинную картину революционного дня. Так, в рассказе «Рождественский мальчик» он по-

¹ Дело СПб. Цензурного комитета № 136, 1902.

вествует о мрачных событиях 9-го января и описывает их в таком свете, что против него возбуждается специальное уголовное преследование. Возникает судебное дело и в связи с публикацией стихотворения Сологуба «Земля» в номере первом журнала «Вольница», который был за помещение этого произведения арестован и уничтожен. Стихи «Соборный благовест», «Жестокие дни», «Восход солнца», «Иван-царевич», «Земля», «День безумный», «Искали дочь», «Спутник» и др. — все они идут под знаком нового революционного дня. Отмеченные зачастую большой силой реалистического показа действительности, они все же не поднимаются до высот подлинно революционного обличения. Тема смерти, безнадежности и отчаяния является здесь доминирующей. Но, когда революция потерпела поражение, ее недавние союзники начали лиять. Все эти «революционеры» из символистского лагеря вслед за Минским стали твердить на разные лады о «тирании» марксизма и вообще «революционных догматов». И от революционного бунтарства они снова переходят к бунту «в себе». Реакционность была подлинным смыслом, подлинной стихией большинства деятелей этой литературной школы. Поэты-символисты были детьми реакции, и реакция была тем воздухом, которым только могли дышать и питаться их мистика, оргазм и экзотизм. И в результате многие из

тех, кто еще вчера в стихах и прозе воспевал революцию, теперь превратились в озлобленных ренегатов, в откровенных проповедников буржуазного индивидуализма, отражая здесь примирение царизма с буржуазией. Политический смысл этого ренегатства вскрыл Ленин. Он указывал, что либеральная буржуазия после революции 1905 года «изменила демократии и «шла» помогать царю и помещикам». «Либеральная» линия русской революции состояла в «успокоении» и раздроблении борьбы масс, ради примирения буржуазии с монархией. И международная обстановка русской революции, и сила русского пролетариата делала такое поведение либералов неизбежным».¹

Итак, революционные произведения Сологуба имеют свои определенные истоки и читателем нашего времени должны быть восприняты с учетом тех дней, когда они были созданы, и тех настроений, которыми они определялись. Эти произведения, как мы отмечали, шли в русле современных тенденций всей символистской поэзии. В своем романе «Навьи чары» Сологуб сам дал оценку, кстати ироническую, этих своих опытов. Сологуб здесь сказал о себе в следующих словах: «Его стихи революционного содержания — ничего себе. Впрочем, такие стихи нынче все пишут. Ну, а

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, стр. 313.

прочие его сочинения не про нас писаны. Барские сладости, не для нашей радости». Но вопреки собственной оценке, современный читатель должен выделить стихи Сологуба эпохи первой революции из общей череды «кровожадных» виршей Бальмонта, холодных произведений Минского и др. Недаром Ал. Блок говорил, что многие из этих стихов «бесспорно принадлежат к лучшему, что дала русская революционная поэзия». Выделяет эти стихи и та любовь к родине, которая в них звучит.

6

Поэзия Сологуба за десятилетия претерпела ряд изменений. Здесь и произведения, отмеченные сентиментализмом, относящиеся к 80-м годам. Здесь и эстетизм 90-х годов, и революционные тенденции в эпоху первой революции, и оправдание зла, и эротика в эпоху реакции. И вместе с тем, несмотря на отличие ряда произведений в зависимости от времени, все они отмечены некоторыми общими чертами. Сологуб всюду остается верен себе и своим основным темам, тем более что исход событий 1905 года способствовал углублению пессимизма этого поэта-одиночки. Сологуб, как поэт, имеет свой стиль. Сжатость и простота, очень часто покидающие Сологуба в прозе, составляют основную особенность его стихов; они полны созерцательности и глубины.

Перед нами большой интимный лирический поэт, мастер формы. Его поэтика так же, как и у лучших мастеров этого времени — у Блока и Брюсова, имеет двойную направленность, двойное звучание, с одной стороны, она символистская, туманная и абстрактная, а с другой, как мы уже отмечали, в ней есть элементы реализма. Как поэт-символист Сологуб вполне в кругу установленных традиций. Здесь то же стремление создать ощущение отвлеченности и таинственности:

Кто-то тронул мне плечо.

*За спиною — страшный кто-то,
И внизу зилет что-то,
Притаясь пока в цветах.*

*Что-то маячит и реет
Там наверху, за окном.*

*Кто-то темный смотрит строго
В запотелое окно.*

Здесь то же стремление прибегнуть к эстетическому «изыску», правда, иногда отмеченное штампом («Лазурные грезы», «Лазурная мечта», «Золотые мечты» и пр.).

Эпитеты, которые подбирает Сологуб, на первый взгляд остаются в круге общей символистской поэтики:

От ожиданий голубых
К моим отчаяниям белым,
От (расцветаний молодых
К плодам увядшим, но не зрелым.

. желтая досада
Угнездилась в солнечном саду,

Сологуб эту традицию, которая может быть умножена в примерах («Голубое счастье», «Седая тоска», «Серая тоска» и т. д.), углубляет подбором специальных эпитетов, подчеркивающих мрачные тона его поэзии. Так он подбирает слова на «зло» и «злоба»: «злая толпа», «злая жажда», «злая печаль», «злая угроза», «злое вожеление», «злая ложь», «злые огни», «злая дорога» и проч., и проч. Кроме того он вопреки символистским традициям неожиданно вводит подчеркнуто-бытовые эпитеты:

Обыкновенная луна
Глядит на снег, довольно белый...

.
Объидотилась совсем,
Такая стала несравненная,
Почти-что ничего не ем,
И улыбаюсь, как блаженная.

С этой же целью он прибегает к бытовым интонациям жестокого романса («Коля, Коля, ты за что ж» и др.). Сологуб пользуется и словотворчеством:

... Доверяюсь я иному чуду
Как обычайности земной

.
Безочарованность и скуку
Давно взрастив в моей душе,
Мне жизнь приносит злую муку
В своем заржавленном ковше.

Но прозаизмами и новыми словами Сологуб пользуется умело и осторожно, благодаря чему стихам придается особенная изысканность и острота. Пользуется Сологуб и аллитерацией и внутренней рифмой, что было введено в закон школой Бальмонта. Следуя исканиям символизма, Сологуб пытался применять особо изысканную рифмовку:

На священном Лингаме ярка позолота,
Сам он черен, громаден и прям.
Я закрою Лингам закрасневшимся
лотосом,
Напою ароматами храм.

При чтении рифма образуется не обычным концом первого стиха, а слиянием последнего слова с началом второго стиха. Этот же прием может быть иллюстрирован и другим стихотворением:

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий Судия.

Эти стиховые приемы, органически не свойственные русскому стихосложению, применялись для придания стиху тонкой искусственности и намеренной книжности.

Сологуб — большой мастер словесной инструментовки. Подобно другим символистам, он стремится повторять одинаковые ударные гласные или расставлять их в симметричных местах строфы или стиха. При обилии ударений это повторение одинаковых гласных увеличивает звуковую выразительность и лирическую действенность произведения в целом. Прибегает Сологуб и к инструментовке согласных:

Заряла, озаряла,
Свирель взбудившая заря,
Желанная зарьяла,
Зарей багряною горя.

Но все эти стиховые приемы, как мы указывали, в одинаковой мере использовались и другими поэтами-символистами. В чем же особенность поэтического лица Сологуба? Мягкий и певучий его стих лишен и медной звонкости Брюсовского стиха, и неожиданных ритмов блоковского. Избегая неожиданных и богатых рифм, свойственных Брюсову, Сологуб чурается архаизмов и славянизмов. Его стих отмечен некоторыми чертами сухости и четкости, которые сам поэт определил как «суровость». Он создает впечатление исключительной простоты и безыскусственности кото-

рая на самом деле чрезвычайно изыскана и лишь замкнута в позу олимпийской холодности и бесстрастности.

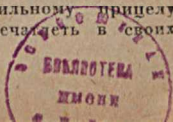
Символизм и за рубежом, и в России выступал в качестве реакции парнасизму с его графической отчетливостью и скульптурной осязательностью стиха. Символизм боролся против стихотворной риторики, красноречия и литературности, не чуждых, однако, некоторым символистам, в частности Брюсову. Иное у Сологуба. В основе его стилистических поисков лежала тенденция разложения классического стиха методом импрессионизма. И с этой стороны его произведения всецело отвечают тем требованиям, которые предъявлялись к новой поэзии основоположниками французского символизма — Бодлером, Верленом и Малларме. Согласно заветам Бодлера, в своих стихах он развернул сложную гамму редкостных ощущений. Следуя пути Малларме, его стихи насквозь пронизаны интеллектуальными эмоциями, темами искусства и религии. Ритмы его стихов отмечены теми особыми колебаниями, «потрясающими и сладостными», которые Малларме требовал положить в основу новой поэзии. Эта близость к французским символистам дала возможность Сологубу создать подлинные шедевры их переводов на русский язык. Совершенно справедливо переводы Верлена вызвали восторженные отзывы у современников, ибо Сологуб сумел, сохранив

особенности французского подлинника, дать их адекватное истолкование в русском стихе. В. Брюсов — глубокий знаток французских символистов и сам переводчик Верлена — писал о работе Сологуба, что «последнему удалось некоторые стихи Верлена в буквальном смысле слова пересоздать на другом языке, так что они кажутся оригинальными произведениями русского поэта, оставаясь очень близкими французскому подлиннику». Столь же восторженно об этих переводах отзывался Макс Волошин, который в своей рецензии писал, что здесь «осуществленное чудо». «Сологубу удалось осуществить, — продолжал Волошин, — то, что казалось невозможным и немыслимым: передать в русском стихе голос Верлена». Волошин заключал свою рецензию следующими характерными словами: «С появлением этой небольшой книжки, заключающей в себе тридцать семь переводов, выбранных не по системе, а по капризу любви из различных книг поэта, Верлен становится русским поэтом». Кроме Верлена, Сологуб мастерски передает особенности поэзии Артура Рэмбо. Высокая португальская культура дала возможность Сологубу перевести с еврейского Бялика, с украинского Шевченко, перевести армянского поэта Напеха Кучак и ряд других.

После Великой пролетарской революции Сологуб остался в кругу своих предшествующих тем и возможностей. Совершенно за-

кономерно, что он оказался отъединенным от нового дня благодаря тем особенностям своей поэзии, которые были отмечены нами ранее. Его поэзия не звучала в унисон с новым временем. Воспитанный в условиях реакции 80-х годов, сроднившийся с реакцией; пришедшей на смену революционному подъему 1905 года, Сологуб остался в пооктябрьское время одиночкой. Он не понял нового дня и клеветал на него в своих отдельных произведениях. Пафосу нового времени была чужда его поэзия безнадежности, замкнутости и отрицания жизни. Но сейчас мы не можем пройти мимо поэтического наследия этого мастера. Она представляет для нас большой познавательный, историко-психологический интерес, ибо дает возможность проникнуть в интимный мир человека, отравленного и изуродованного эпохой реакции. Кроме того его поэзия, благодаря своим высоким формальным качествам, может быть положительно воспринята современным поэтом и читателем. И здесь прежде всего привлекает реалистическая струя, которая имеет место в отдельных его произведениях. Мы уже говорили о том, что жизнь опрокидывала эстетические домыслы поэта-одиночки. Жизнь, вопреки воле Сологуба, обращала его Дульцинею в Альдонсу и пажа Жана — в Ваньку Ключника. И тогда поэзия Сологуба, освобожденная от вне ее стоящих задач, снова приобретает свою непо-

средственность, яркость и силу. Нас, наконец, привлекает та черта сатиры и гротеска, которая очень сильна не только в прозе (вспомним роман «Мелкий бес»), но и в поэзии Сологуба. Правда, эта сатира также должна быть сейчас воспринята с оговорками, ибо она не поднимается до социального обличения и имеет частный характер. Перед нами поэт-эстет, который при столкновении с убожеством и уродством окружающей его жизни, вместо того чтобы поднять против нее бунт, обращается к гротескному освещению отдельных деталей и эпизодов. Эти частности Сологуб иногда ошибочно обобщает до некоего символа жизни вообще. Современная Сологубу критика не только не разоблачала эти реакционные установки, а, наоборот, превозносила именно отрицательные стороны творчества Сологуба. Этим парализовались те прогрессивные сатирические элементы, которые имели место в произведениях Сологуба. Критика говорила о «торжествующей пошлости» вообще и подчеркивала, что «не одна жизнь какого-то заколустного городишки, а вся жизнь в ее целом есть сплошное мещанство, сплошная передоношнина, в этом-то и состоит весь ужас жизни, этим и объясняется страх жизни». Отсюда и следовал вывод: «Жизнь бессмысленна, бессмысленна, жизнь — сплошная передоношнина». Благодаря этому неправильному прицелу Сологубу не удалось запечатлеть в своих

стихьях подлинные лики самодержавной бюрократической России. Но все же элементы обличения, которые разбросаны в его поэтическом и прозаическом наследии, звучат и для нас, современников уже социалистического общества. Отношение нашего времени к Федору Сологубу вполне согласно с отношением к нему Максима Горького. В своем письме к Сологубу Горький дал исчерпывающую оценку его творчества: «Я отношусь отрицательно к идеям, которые вы проповедуете, но у меня есть известное чувство почтения к вам как поэту; я считаю вашу книгу «Пламенный круг» образцовой по форме и часто рекомендую ее начинающим писателям как глубоко поучительную с этой стороны».¹

Орест Цехновицер

¹ М. Горький. Материалы и исследования, т. I, стр. 196—197.

СТИХОТВОРЕНИЯ

АРИАДНА

Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Я в лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог.

Светоч мой гаснет, слабее,
Полон тревоги, стою,
И призываю на помощь
Мудрость и силу твою.

Много дорог здесь, но света
Нет и не видно пути.
Страшно и трудно в пустыне
Мраку навстречу идти.

Жертв преждевременных тени
Передо мною стоят.
Страшно зияют их раины,
Мрачно их очи горят.

Голос чудовища слышен
И заглушает их стон.
Мрака, безумного мрака
Требует радостно он.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь Лабиринта открыть.

5 апреля 1882 г.

Вьется предо мною
Узенький проседок.
Я бреду с клюкою.
Путь тяжел и долог.

Весь в пыли дорожной,
Я бреду сторонкой,
Слушая тревожно
Колокольчик звонкой.

Не глушимый далью,
Гул его несется,
Жгучею печалью
В сердце отдается.

Словно кто собрата
С ним везет в изгнанье,
Без надежд возврата,
На тоску-страданье.

В этих громких звуках
Речь слышна живая
И о наших муках,
И о муках края,

Словно кто хоронит
Молодые силы

И печально стонет
На краю могилы.

Воздух полон гула,
И дрожит дорога, —
Ах, хоть бы уснула
Ты, моя тревога!

9 декабря 1885 г.

ЖАРКИМ ЛЕТОМ

Безумно душен и тяжел
Горячий воздух. Лютый, красный,
Дракон качается, — напрасный
И безнадежный произвол.

Долину сонную объемлет
Изнемогающая лень,
И тишина в полях, и дремлет
Лесная тень.

Не отдыхает в поле жница.
Ее бичует лютый зной.
Не раз невольною слезой
Ее увлажнена ресница.

С серпом сгибается она,
Не видя грозных нив лазури, —
Но близость бури, милой бури
Ее томлению ясна...

И ярой бури ждет долина,
И неподвижно вся молчит,
И только робкая осина
Тихонько листьями дрожит.

15 декабря 1884 г.

Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?

Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне.
Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!

5 января 1885 г.

СОН

В мире нет ничего
Вожделеннее сна, —
Чары есть у него,
У него тишина,
У него на устах
Ни печаль и ни смех,
И в бездонных очах
Много тайных утех.
У него широки,
Широки два крыла,
И легки, так легки,
Как полночная мгла.
Не понять, как несет,
И куда, и на чем, —
Он крылом не взмахнет,
И не двинет плечом.

46 мая 1886 г.

ЗОЛУШКА

Радостно-чистый
Образ простой красоты,
Милый, как ландыш душистый, —
Это, смиренная, ты.

Вечно в загоне,
Вечно в тяжелых трудах.
Сестры — ленивые сони,
Дом у тебя на руках.

Чем тебе плотят?
Брань да попреки всегда,
А иногда поколотят!
Ты говоришь: не беда!

Только немного,
Если уж станет невмочь,
Плачешь, таясь у порога,
О, нелюбимая дочь.

Ясные глазки,
Золушка, вытри скорей,
Верь в исполнение сказки,
Жди утешительных дней.

Скоро хрустальный
Будет готов башмачок,
И повезут тебя в дальний,
Раззолоченный чертог.

Радостно-чистый
Образ простой красоты,
Милый, как ландыш душистый, —
Это, смиренная, ты.

8 января 1887 г.

По жестоким путям бытия
Я бреду, бесприютен и сир,
Но зато вся природа — моя,
Для меня наряжается мир.

Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запыленные ноги мои.

И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.

47 мая 1887 г.

Тепло мне потому, что мой уютный дом
Устроил ты своим терпеньем и трудом:
Дрожа от стужи, вез ты мне из леса хворост,
Ты зерна для меня бросал вдоль тощих
борозд,
А сам ты бедствовал, покорствуя судьбе.
Тепло мне потому, что холодно тебе.

25 мая 1888 г.

Туман не редает,
Молочною мглою закутана даль,
И на сердце веет
Печаль.

С заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый к труду,
Дорогой привычной
Иду.

Бледна и сурова,
Столица гудит под туманною мглой,
Как моря седого
Прибой.

Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
Торопится стая
Теней.

6 ноября 1888 г.

ВЫБОР

На перепутьи бытия,
Томясь таинственной тревогой,
Стоял и долго думал я,
Какою мне идти дорогой

И появились предо мной
Два духа: светлый дух мечтаний,
Сиявший горней белизной,
И строгий дух земных исканий.

Надежды радостной фиал
От духа нежного я взял,
И на фиале надпись: слава.
Не отрываясь, грезы пью, —
И вот, холодная отрава
Сгущает быстро кровь мою.

Я вижу, выбор был ошибкой, —
И кубок падает, звеня,
А гений жизни от меня
Летит с презрительной улыбкой.

29 декабря 1888 г.

С врагом сойдясь для боя злого,
Свой меч я тяжко опустил.
Казалось мне, врага ночного
Я пополам перерубил.

Но вдоль согнувшегося тела
Безвредно сталь моя прошла
И, раздробившись, зазвенела,
Как отлитая из стекла.

Тогда последнего удара
Я равнодушно ожидал,
Но мой противник, злая мара,
Вдруг побледнел и задрожал.

Холодным тягостным туманом
Обоих нас он окружил,
И, трепеща скользящим станом,
Он, как змея, меня обвил.

Глаза туманит, грудь мне давит,
По капле кровь мою сосет.
Мне душно! Кто меня избавит?
Кто этот призрак рассечет?

10 июня 1889 г.

Зачем, скажи,
В полях, возделанных прилежно,
Среди колосьев ржи,
Везде встречаем неизбежно
Ревнивые межи?
Одно и то же солнце греет
Тебя, суровая земля,
Один и тот же труд лелеет
Твои широкие поля.
Но злая зависть учредила
Во славу алчности и лжи
Неодолимые межи,
Везде, где ты, земля, взрастила
Хотя единый колос ржи.

29 сентября 1889 г.

Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.

За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась,
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.

Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою, —

Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.

15 декабря 1889 г.

Уж не тянусь, как прежде, я
Нетерпеливыми устами
К блестящей чаше бытия
С его отравленными снами.

Так мрачный вяз, на склоне дней,
Дуплистый и грозой спаленный,
Не посылает, утомленный,
Во глубину своих корней.

7 августа 1890 г.

Душе моей, страдающей жестоко,
Твердят лукавые уста,
Что станет грезой пророка
Моя лазурная мечта,

Что в мир войдет царицею свобода,
И золотой настанет век,
И, предстоя сильнейшим из народа,
Не задрожит от страха человек,

И смолкнет алый вопль страданья
Вкруг изукрашенных столиц,
И белый ужас истязанья
Не исказит румяных детских лиц.

47 августа 1890 г.

Душою чистой и незлобной
Тебя создатель наделил,
Душой, мерцанью звезд подобной
Иль дыму жертвенных кадил.

Хотя дыханьем чуждой злобы
Не раз мрачился твой удел, —
Нет человека, на кого бы
Ты темной злобою кипел.

Но каждый день огнем страданья
Тебя венчали ложь и зло, —
В твоей душе негодованье,
Как семя в почве, проросло.

4 апреля 1891 г.

Уйдешь порой из солнечной истомы
В лесной приют,
Но налетают жалящие гномы,
И крови ждут.

Лесной тиран, несносная добука,
Комар-палач!
Твой тонкий писк томителен, как скука,
Как детский плач.

3 июля 1891 г.

Голос наш ужасен
Нашим домовым;
Взор наш им опасен, —
Тают, словно дым.

И русалки знают,
Как мы, люди, злы, —
Вдалеке блуждают
Под защитой мглы.

Нечисть вся боится
Человечьих глаз,
И спешит укрыться, —
Сглазим мы как раз.

16 августа 1891 г.

Полно плакать, — вытри слезы,
Проводи меня в свой сад,
Где так нежно пахнут розы,
Где кудрявые березы
Улыбаясь шелестят.

Полно плакать, — что за горе!
То ль, что мачеха лиха,
И, с тобою вечно в ссоре,
Держит двери на запоре,
Не пускает жениха?

Не томи тоской сердечка, —
Год промчится, подрастешь,
Смело выйдешь на крылечко,
Повернешь в дверях колечко,
И от мачехи уйдешь.

Близок день освобожденья.
Сердце к воле приготовь,
Чтобы в светлые мгновенья
Светлый праздник примиренья
Создала тебе любовь.

11 июня 1892 г.

ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду;
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты

Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки,
И смолчал бы пред тобой
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, —
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний
Угрожающих невзгод,

И теперь над нами яско
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

4 октября 1892 г.

Вот у витрины показной
Стоит, любуясь, мальчик бедный.
Какой он худенький и бледный,
И некрасивый, и больной!

Блестят завистливо и жадно
Его широкие глаза.
Порой сверкнет на них слеза,
И он вздыхает безотрадно.

Вот нагляделся он, идет.
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний страшных вереница
В душе встревоженной растет.

2 октября 1893 г.

ЛИХО

Кто это возле меня засмеялся так тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мне привязалось давно, с колыбели,
Лихо стояло и возле крестильной купели,
Лихо за мною идет неотступною тенью,
Лихо уложит меня и в могилу.
Лихо ужасное, враг и любви и забвенью,
Кто тебе дал эту силу?

Лихо ко мне прижимается, шепчет мне тихо:
«Я — бесталанное, всеми гонимое Лихо!
В чьем бы дому для себя уголок ни нашло я,
Всяк меня гонит, не зная минуты покоя.
Только тебе побороться со мной недосужно, —
Странно мечтая, стремишься ты к мукам.
Вот почему я с твоею душою так дружно,
Как отголосок со звуком».

2 апреля 1895 г.

Тень решетки прочной
Резким переплетом
На моем полу.
Свет луны полночной
Беспокойным летом
Падает во мглу.

Тучки серебристой
Вижу я движенья,
Вижу грусть луны.
Резок холод мгlistый.
Страшно заточенье.
Неподвижны сны.

В голове склоненной
Созданы мечтою
Вольные пути,
Труд освобожденный,
Жизнь не за стеною...
Как же мне уйти?

Долетают звуки,
Льется воздух влажный,
Мысли, как и там, —
Я тюремной муки
Плач и вопль протяжный
Ветру передам.

22 июля 1893 г.

Словно бусы, сказки пижут,
Самоцветки, ложь да ложь.
Языком клевет не слижут,
Нацепили, и несешь.

Бубенцы к дурацкой шапке
Пришивают, ложь да ложь.
Злых репейников охапки
Накидали, не страхнешь.

Полетели отовсюду
Комья грязи, ложь да ложь.
Навалили камней груды,
А с дороги не свернешь.

По болоту-бездорожью
Огоньки там, ложь да ложь, —
И барахтаешься с ложью,
Или в омут упадешь.

40 октября 1895 г.

Нет, не любовь меня влекла,
Не жажда подвига томила, —
Мне запрещенный рай сулила
Царица радостного зла.

Окружена зловещей дымкой
Порочных снов и злых страстей,
Она сошла к душе моей
Ожесточенной нелюдимкой,

И научила презирать
Людские скучные забавы,
И чары тайные вкушать,
Благоуханные отравы.

Восторгов тщетных, грез ночных
Струи киучие так сладки, —
Но в сердце копяся от них
Противно-горькие осадки.

22 декабря 1893 г.

О смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, — и ненавижу
Очарования земли.

Людские чужды мне восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.

Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринул я издавна власть.
Не мне, обвешанному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мне к ногам ее упасть.

Не мне идти на пир блестящий,
Огнем надменным тяготящий
Мои дремотные глаза,
Когда на них уже упала,
Прозрачней чистого кристалла,
Твоя холодная слеза.

12 июня 1894 г.

Блажен, кто пьет напиток трезвый.
Холодный дар спокойных рек,
Кто виноградной влагой резвой
Не веселил себя вовек.
Но кто узнал живую радость
Шипучих и колючих струй,
Того влечет к себе их сладость,
Их нежной пены поцелуй.

Блаженно все, что в тьме природы,
Не зная жизни, мирно спит, —
Блаженны воздух, тучи, воды,
Блаженны мрамор и гранит.
Но где горят огни сознания,
Там злая жажда разлита,
Томят бескрылые желанья
И невозможная мечта.

15 июля 1894 г.

Мечтатель, странный миру,
Всегда для всех чужой,
Царящему кумиру
Не служит он хвалой.

Кому-то дымный ладан
Он жжет, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.

Он тайною завесил
Страстей своих игру,
Порой у гроба весел
И мрачен на пиру.

Сиянье на вершине,
Садов цветущих ряд
В прославленной долине
Его не веселят.

Поляну он находит,
Лишенную красы,
И там в мечтах проводит
Безмолвные часы.

49 июля 1894 г.

Прокходит она торопливо
На шумных путях городских,
Лицо закрывая стыдливо
Повязкой от взоров людских:
Пожаром ее опалило,
Вся кожа лица сожжена,
И только глаза защитила
Своими руками она.

В пожаре порочных желаний
Беспомощно дух мой горел
И только усладу мечтаний
Спасти от огня я успел.
Я жизни свободной не знаю,
В душе моей — мрачные сны
Я трепетно их укрываю
Под нежною тканью весны.

12 сентября 1894 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Медлительные взоры к закату обращая,
Следя за облаками и за полетом птиц,
Сидела при дороге красавица лесная, —
И зыблилась тихонько, мечту и тень роная
На смуглые ланиты, густая сень ресниц.

Она припоминала в печальный час вечерний
Таинственные дали, — родимые края,
Где облако понятней, где роща суеверней, —
Куда, бывшая фея, любовию дочерней
Влеклась она, страдая и грусть свою тая.

Был день: презревши чары и прелести
ночные,
С жезлом своим волшебным рассталась она,
Венок благоуханный сняла с чела впервые,
И, как простоя дева, в обители простые
Вошла, и человеку женою отдана.

На дальнем горизонте синеющей чертою
Виднелся лес дремучий, — то лес ее
родной...
Туда она глядела вечернею зарею, —
Оттуда к ней домчался с призывною тоскою
Лазурный тихий голос: «Вернись, дитя,
домой».

И в голосе далеком ей слышалось прощенье,
Она улыбкой тихой ответила на зов,
С людьми не попрощалась, оставила селенье
И быстро тенью легкой исчезла в
отдаленье...
Блекла ее в отчизну дочерняя любовь.

25 сентября 1834 г.

НЕУРОЖАЙ

Над полями ходит и сердито ропщет
Злой Неурожай,
Взором землю сушит и колосья топчет, —
Стрибог, помогай!

Ходит дикий, злобный, хлеб и мнет и душит,
Обошел весь край,
И повсюду землю гневным взором сушит, —
Стрибог, помогай!

Губит наших деток неподвижным взором
Злой Неурожай.
Голодом томимы, молим хриплым хором:
Стрибог, помогай!

11 октября 1894 г.

Сколько странных видений, и странных,
недужных тревог!

Кто же ты, где же ты, чаровница моя?
Недоступен ли твой светозарный чертог?

Или встречу тебя, о царица моя?

20 октября 1894 г.

Истомила мечта,
Вожделеньем взволнована кровь.
Эта жизнь и скучна и пуста,
А в мечте лучезарна любовь.

24 октября 1894 г.

Передрассветный сумрак долог,
И холод утренний жесток.
Заря, заря, раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.

Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передрассветный долгий холод
В истоме раннего пути.

Но кто сжимает пыльный посох
Сухую старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Завороженных тишиной!

11 ноября 1894 г.

Где грустят леса дремливые,
Изнуренные морозами,
Есть долины молчаливые,
Зачарованные грозами.

Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

Смотрят ивы суковатые
На пустынный берег илистый.
Вот кувшинки, сном объятые,
Над рекой немой, извилистой.

Вот березки, захирелые
Над болотною равниною.
Там, вдали, стеной несмелою
Бор с раздумьем и кручиною.

Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

5 января 1895 г.

Думы черные лелею,
Грустно грежу наяву,
Темной жизни не жалею,
Ткани призрачные рву,

Ткани юных упований
И туманных детских снов;
Чуждый суетных желаний,
Умереть давно готов.

Грустно грежу, скорбь лелею,
Паутину жизни рву,
И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.

21 марта 1893 г.

Есть тайна несказанная,
Но где, найду ли я? .
Блуждает песня странная,
Безумная моя.

Дорогой незнакомою,
Среди немых болот
С медлительной истомою
Она меня ведет.

Мгновения бесследные
Над ней летят в тиши,
И спят купавы бледные,
И дремлют камыши.

Коса ее запутана,
В ней жесткая трава,
И, дикой мглой окутана,
Поникла голова.

Дорогой потаенною,
Среди немых болот,
Где ирис, влагой сочною
Напоенный, цветет,

Блуждает песня страшная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Ее найду ли я?

21 марта 1895 г.

Я душой умирающей
Жизни рад и не рад,
И от бури взывающей
Не ищу я оград.

Я беспечной улыбкою
Отвечаю грозе,
И покорностью зыбкою
Я подобен лозе.

Верю сказке божественной,
Вижу дивные сны.
Что мне радость торжественной
Церастленной весны!

Что мне звезды небесные,
Их торжественный строй!
Что мне торжища тесные
И телец золотой!

Горько пахнет известкою
В переулке моем.
Я дорогою жесткою
Пробираюсь в мой дом.

Там дыхание ладана
Все мерещится мне.

Там святыня угадана
В неземной тишине.

Бесконечность страдания
В тех стенах вмещена,
И тоска умирания,
Как блаженство, ясна.

29 марта 1895 г.

Я люблю всегда далекое,
Мне желанно невозможное,
Призываю я жестокое,
Отвергаю непреложное.

Там я счастлив, где туманные
Раскрываются видения,
Где скользят непостоянные
И обманные мгновения,

Где сверкают неожиданно
Взоры молний потухающих.
Мне желанно, что невиданно. —
Не хочу я расцветающих.

7 апреля 1895 г.

Толпы домов тускнели
В тумане млечном,
Томясь в бессильи хмуром
И бесконечном,

И дождь все падал, плача,
И под ногами
Стекал он по гракиту
В канал струями,

И сырость пронизала
Больное тело.
Измученная жизнью,
Ты вниз глядела,

Где отраженья млели
В воде канала,
И дрожью отвращенья
Ты вся дрожала.

Зачем же ты стояла
Перед сквозною
Чугунною решеткой
Над злой водою,

И мутными глазами
Чего искала
В зеленовато-желтой
Воде канала?

40 апреля 1895 г.

Птицы черные толпою
Вдруг собрались надо мною,
И в зловещей тишине
Неотвязчивый их причет
Надо мною гулко кичет,
Возвещая гибель мне.

Над душой моей нависли
Неотвязчивые мысли
О судьбе моей больной,
И надежды заслоняя,
Череда их роковая
Вест страхом и тоской.

20—24 мая 1896 г.

На серой куче сора,
У пыльного забора,
На улице глухой
Цветет в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.

В скитаниях ненужных,
В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвел.

26 мая 1895 г.

Я без цели, угрюм и один,
Посреди облетелых куртин
И поблеклых деревьев иду
В бездыханном и желтом саду.

Облака надо мною скользят,
И к закату торопится день.
Безнадежный и близкий закат,
Не твоя ли колышется тень

Над моею туманной душой?
В ней тяжелой и горькой тоской
Упованье мое сметено,
В ней мечты облетели давно.

27 июля 1895 г.

Я лицо укрыл бы в маске,
Нахлобучил бы колпак,
И в бесстыдно-дикой пляске
Позабыл бы кое-как
Роковых сомнений стаю
И укоры без конца, —
Все, пред чем не поднимаю
Незакрытого лица.
Гулкий бубен потрясая
Высоко над головою,
Я помчался б, приседая,
Дробь ногами выбивая,
Пред хохочущей толпой,
Вкруг литого, золотого,
Недоступного тельца,
Отгоняя духа злого,
Что казнит меня сурово
Скудной краскою лица.
Что ж меня остановило?
Или эта вражья сила
Сокрушила бубен мой?
Отчего я с буйным криком
И в безумии великом
Пал на камни головой?

17 декабря 1895 г.

Дорогой скучно-длинною,
Безрадостно-пустынною,
Она меня вела,
Печальями изранила,
И разум отуманила.
И воду отняла.

Послушен ей, медлительной,
На путь мой утомительный
Не жалуясь, молчу.
Найти дороги торные,
Веселые, просторные,
И сам я не хочу.

Глаза мои дремотные
В виденья мимолетные
Безумно влюблены.
Несут мои мечтания
Святые предвещания
Великой тишины.

9 марта 1896 г.

Царевной мудрой Ариадной
Царевич доблестный Тезей
Спасен от смерти безотрадной
Среди запутанных путей:
К его одежде привязала
Она спасительную нить, —
Перед героем смерть стояла,
Но не могла его пленить,
И, победитель Минотавра,
Свивая нить, умел найти
Тезей к венцу из роз и лавра
Прямые, верные пути.

А я — в тиши, во тьме блуждаю,
И в лабиринте изнемог,
И уж давно не понимаю
Моих обманчивых дорог.
Все жду томительно: устанет
Судьба надежды хоронить,
Хоть перед смертью мне протянет
Путеводительную нить, —
И вновь я выйду на свободу,
Под небом ясным умереть
И, умирая, на природу
Глазами ясными смотреть.

17 марта 1896 г.

Вывески цветные,
Буквы золотые,
Солнцем залитые,
Магазинов ряд
С бойкою продажей,
Грохот экипажей, —
Город солнцу рад.

Но в толпе шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты
Скорбкие приметы:
Грубые предметы,
Темные черты.

18 марта 1896 г.

Запах асфальта и грохот колес,
Стены, камелья и плиты...
О, если б ветер внезапно донес
Шелест прибрежной ракиты!

Грохот на камнях и ропот в толпе, —
Город не хочет смириться.
О, если б вдруг на далекой тропе
С милою мне очутиться!

Ясные очи младенческих дум
Сердцу открыли бы много.
О, этот грохот и ропот, и шум —
Пыльная, злая дорога!

24 марта 1896 г. .

К толпе непонятной и зыбкой
Приветливо взоры склоня,
С балкона случайной улыбкой
Порадовал кто-то меня.

Заметил я смуглую щеку,
Волос распутившихся прядь, —
И шумному, злему потоку
Толпы отдаюсь я опять,

И в грохот и ропот столицы
Несу неожиданный свет.
Мечте исполнения нет,
Но радость моя без границы.

14 апреля 1896 г.

В тишине бездыханной ночной
Ты стоишь у меня за спиной,
Я не слышу движений твоих,
Как могила, ты темен и тих.
Оглянуться не смею назад,
И на мне твой томительный взгляд,
И, как ночь раскрывает цветы,
Что цветут для одной темноты,
Так и ты раскрываешь во мне
Все, что чутко живет в тишине, —
И вошел я в обитель твою,
И в кругу чародейном стою.

28 мая 1896 г.

Не понять мне, откуда, зачем,
И чего он томительно ждет.
Предо мною он грустен и нем,
И всю ночь напролет

Он вокруг меня чем-то чертит
На полу чародейный узор,
И куреньем каким-то дымит,
И туманит мой взор.

Опускаю глаза перед ним,
Отдаюсь чародейству и сну,
И тогда различаю сквозь дым
Голубую страну.

Он приникнет ко мне и ведет,
И улыбка на мертвых губах, —
И блуждаю всю ночь напролет
На пустынных путях.

Рассказать не могу никому,
Что увижу, услышу я там, —
Может быть, я и сам не пойму,
Не припомню и сам.

Оттого так мучительны мне
Разговоры, и люди, и труд,
Что меня в голубой тишине
Волхования ждуг.

29 мая 1896 г.

На песке прихотливых дорог
От зари догорающей свет
Озарил, расцветил чьих-то ног
Тонкий след...

Может быть здесь она проходила,
Оставляя следы на песке,
И помятый цветочек проносила
На руке.

Поднимая раскрытую руку,
Далеко за мечтой унеслась,
И далекому, тайному звуку
Отдалась.

Тосковали на нежной ладони
Молодой, но жестокой руки
По своей ароматной короне
Лепестки...

Молодою и чуждой печалью
Не могу я души оживить,
И того, что похищено далью,
Воротить.

Мне об ней ничего не узнать,
Для меня обаяния нет.
Что могу на земле различать?
Только след.

1 июля 1896 г.

ПИЛИГРИМ

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идет,
Босой, больной, неустомимо,
То шаг назад, то два вперед, —
И, чередуясь мерно, дали
Встают все новые пред ним,
Неистошмы, как печали, —
И все далек Ерусалим.

Томясь в таинственной печали,
Стремится вечно род людской
В недостижимые дали,
К какой-то цели роковой.
И создает неустомимо
Судьба преграды перед ним,
И все далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.

7 июня 1896 г.

Не люблю, не обольщаюсь,
Не привязываюсь к ним,
К этим горько-преходящим
Наслаждениям земным.

Как ребенок, развлекаюсь
Мимолетною игрой,
И доволен настоящим —
Полднем радостным и тьмой.
5 июля 1896 г.

Путь мой трудный, путь мой длинный.
Я один в стране пустынной,
Но улады есть в пути, —
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь,
И не скучно мне идти.

Широки мои поляны,
И белы мои туманы,
И светла луна моя,
И поет мне ветер вольный
Речью буйной, безглагольной
Про блаженство бытия.

7 августа 1896 г.

Люблю мое молчанье
В лесу во тьме почей,
И тихое качанье
Задумчивых ветвей.
Люблю росу ночную
В сырых моих лугах,
И влагу полевую
При утренних лучах.
Люблю зарею алой
Веселый холодок,
И бледный, запоздалый
Рыбачий огонек.
Тогда успокоенье
Нисходит на меня,
И что мне все томленье
Пережитого дня!
Я всем земным простором
Блаженно замолчу,
И многозвездным взором
Весь мир мой охвачу.
Закроюсь я туманом,
И волю дам мечтам,
И сказочным обманом
Раскинусь по полям.

14 августа 1896 г.

Вижу зыбку над могилой,
Знаю, — мать погребена,
И ребенка грудью хилой
Не докормит уж она.
Нет младенца в колыбели,
Крепко спит в могиле мать,
Только зимние метели
Станут зыбку подымать.

Эта зыбка и могила, —
В ней мой образ вижу я:
Умерла былая сила,
Опустела жизнь моя, —
Кто-то вынул сон прекрасный
Из души моей больной,
И томит меня безгласной,
Бездыханной тишиной.

9 октября 1896 г.

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896 г.

Поднимаю бессонные взоры,
И луну в небеса вывожу,
В небесах зажигаю узоры,
И звездами из них ворожу,
Насылаю безмолвные страхи
На раздолье лесов и полей,
И бужу беспокойные взмахи
Окрыленной угрозы моей.
Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьме и в тиши,
И цвету я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.

28 октября 1896 г.

Просыпаюсь рано.
Чуть забрезжил свет,
Темно от тумана, —
Встать мне или нет?
Нет, вернусь упрямо
В колыбель мою, —
Спой мне, спой мне, мама:
— Баюшки-баю!

Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
В колыбель мечта.
Не придет родная, —
Что ж, и сам спою,
Горе усыпляя:
— Баюшки-баю!

Сердце истомилось,
Как отрадно спать!
Горькое забылось,
Я — дитя опять,
Собираю что-то
В голубом краю,
И поет мне кто-то:
— Баюшки-баю!

Бездыханно, ясно
В голубом краю.
Грезам я бесстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьет мою.
Шепчет кто-то нежный:
— Баюшки-баю!

Наступает томный
Пробужденья час.
День грозитя темный,
Милый сон погас,
Начала забота
Воркотню свою,
Но мне шепчет кто-то:
— Баюшки-баю!

4 декабря 1896 г.

Побеждайте радость,
Презирайте смех.
Все, в чем только сладость,
Все — порок и грех.
Побеждайте радость,
подавляйте смех.

Кто смеется? Боги,
Дети да глупцы.
Люди, будьте строги,
Будьте мудрецы,
Пусть смеются боги,
Дети да глупцы.

Мир над чем смеется,
И зачем смешит?
Все, что вознесется,
Запятнать спешит.
Темное смеется,
Скудное смешит.

Побеждайте радость,
Презирайте смех.
Где одна лишь сладость,
Там порок и грех.
подавляйте радость,
Побеждайте смех.

27 января 1897 г.

На меня ползли туманы
Заколдованного дня,
Чародейства и обманы
Выходили на меня,
Мне безликие грозили,
Мне полуденная мгла
Из дорожной серой пыли
Вихри зыбкие вила.

Но таинственное слово
Начертал я на земле, —
Обаянья духа злого
Робко замерли во мгле.
Без меча вошел я смело
В ту заклятую страну,
Где так долго жизнь коснела
И покорствовала сну.

Вражья сила разливала
Там повсюду страх и тьму, —
Там царица почивала,
Сидя с прялкой в терему, —
Замерла у дивной пряжи
С нитью тонкою рука;
Ветер стих на буйном взмахе,
Ставнем двинувши слегка.

Я вошел в ее светлицу,
Победитель темных сил,
И красавицу-девицу
Поцелуем разбудил.
Очи светлые открыла,
И зарделась вдруг она,
И рукой перехватила
Легкий взмах веретена.

10 февраля 1897 г.

Ты печально мерцала
Между ярких подруг,
И одна не вступала
В их пленительный круг.

Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,

И молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.

Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живешь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжешь.

26 марта 1897 г.

Живы дети, только дети, —
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете,
И махает, словно плетью,
Уплетенной туго сетью
Возле каждой головы.

Хоть и даст она отсрочку —
Год, неделю или ночь,
Но поставит все же точку,
И укатит в черной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.

Торопись дышать сильнее,
Жди, — придет и твой черед.
Задыхайся, цепenea,
Ледenea перед нею.
Срок пройдет, — подставишь шею, —
Ночь, неделя или год.

15 апрель 1897 г.

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовст: Помоги!
 Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
 Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
Брат мой, приблизься ко мне!
 Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
 Вместе умрем!

18 мая 1897 г.

Под звучными волнами
Полночной темноты
Далекими огнями
Колеблются мечты.
Мне снится, будто снова
Цветет любовь моя,
И счастья земного
Как прежде жажду я.
Но песней не бужу и
Красавицу мою,
И жажду поцелую
Томительно таю.

Обвеянный прохладой
В немом ее саду
За низкой оградой
Тихохонько иду.
Глухих ишу тропинок,
Где травы проросли, —
Чтоб жалобы песчинок
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И песни не пою.
Но сердцем призываю
Желанную мою.

И, сердцем сердце чуя,
Она выходит в сад.
Глаза ее, тоскуя,
Во тьму мою глядят.
В ночи ее бессонной
Внезапные мечты, —
В косе незаплетенной
Запутались цветы.
Мне снится: перед нею
Безмолвно я стою,
Обнять ее не смею,
Таю любовь мою.

25 августа 1897 г.

Суровый друг

Суровый друг, ты недоволен,
Что я грустна.

Ты молчалив, ты вечно болен, —
И я больна.

Но не хочу я быть счастливой,
Итти к другим.

С тобой мне жить в тоске пугливой,
С больным и злым.

Отвыкла я от жизни шумной
И от людей.

Мой взор горит тоской безумной,
Тоской твоей.

Перед тобой в немом томленьи
Сгораю я.

В твоём печальном заточеньи
Вся жизнь моя.

24 августа 1897 г.

Закрывая глаза, я целую тебя, —
Бестелесен и тих поцелуй.

Ты глядишь и молчишь, не губя, не любя,
В колыханьи тумана и струй.

Я плыву на ладье, — и луна нздо мной
Подымает печальный свой лик;
Я плыву по реке, — и поник над рекой
Опечаленный чем-то тростник.

Ты неслышно сидишь, ты не двинешь рукой, —
И во мгле, и в сиянии даль.
И не знаю я, долго ли быть мне с тобой,
И когда ты мне молвишь: причаль.

Этот призрачный лес на крутом берегу,
И поля, и улыбка твоя —
Бестелесное все. Я забыть не могу
Бесконечной тоски бытия.

28 августа 1897 г.

Не надейся, не смущайся,
Преходящим не прельщайся,
Без печали дожидайся
Утешительного сна.

Все, чем жизнь тебя манила,
Обмануло, изменило, —
Неизбежная могила
Не обманет лишь одна.

27 сентября 1897 г.

О владычица смерть, я роптал на тебя,
Что ты, злая, царишь, все земное губя.
И пришла ты ко мне, и в сиянии дня
На людские пути повела ты меня.

Увидал я людей в озареньи твоём,
Омраченных тоской, и бессильем, и злом,
И я понял, что зло под дыханьем твоим
Вместе с жизнью людей исчезает как дым.

20 октября 1897 г.

Птицы ранние чирикали, —
Ты надела сарафан.
Не тебя ли это кликали
За ночной туман?

Чуть прикрыта тканью тонкою,
Без платка и босиком,
С песней радостной и звонкою
Ты проходишь под окном.

Над тобой ветвями сочными
Зашумел зеленый сад, —
За мечтами непорочными
Очи весело глядят.

Дали все еще туманятся,
На траве еще роса, —
Щеки нежные румянятся,
Развевается коса.

21 ноября 1897 г.

Не стоит ли кто за углом?
Не глядит ли кто на меня?
Посмотреть не смею кругом,
И зажечь не смею огня.

Вот подходит кто-то впотьмах,
Но не слышны злые шаги.
О, зачем томительный страх?
И к кому воззвать: помощи?

Не поможет, знаю, никто,
Да и чем и как же помочь?
Предо мною темнеет ничто,
Ужасает мрачная ночь.

18 декабря 1897 г.

Я лесом шел. Дремали ели.
Был тощ и бледен редкий мох.
Мой друг далекий, неужели
Я слышал твой печальный вздох?

И это ты передо мною
Прошел, безмолвный нелюдим,
Завороженный тишиною
И вечным сумраком лесным?

Я посмотрел, — ты оглянулся,
Но промолчал, махнул рукой —
Прошло мгновенье, — лес качнулся, —
И нет тебя передо мной.

Вокруг меня дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да бурелом торчал и сох.

20 декабря 1897 г.

ДОКУКА-ВОРОГ

На нем изношенный кафтан
И шапка колпаком,
Но весь он зыбкий, как туман,
И нет лица на нем.

Не слышно голоса его,
Не видно рук и ног,
И он ступить ни у кого
Не смеет на порог.

Не подойдет и не пройдет
Открыто впереди.
Он за углом впотемках ждет,
Бежит он позади.

Его никак не отогнать,
Ни словом, ни рукой.
Он будет прыгать и плясать
Беззвучно за спиной.

21 декабря 1897 г.

Отвори свою дверь,
И ограду кругом обойди.
Неспокойно теперь, —
Не ложись, не засни, подожди.

Может быть, в эту ночь
И тебе позовет кто-нибудь.
Поспешинь ли помочь?
И пойдешь ли в неведомый путь?

Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьме, за стеной
Станет кто-нибудь звать,
Одинокий, усталый, больной.

Выходи к воротам,
И фонарь пред собою носи.
Хоть бы сгинул ты сам,
Но того, кто взывает, спаси.

30 декабря 1897 г.

Иду от дома к дому,
Я у всех стучусь дверей.
Братья, страннику больному,
Отворите мне скорей.

Я устал блуждать без крова,
В ночь холодную дрожать
И тоску пережитого
Только ветру поверять.

Не держите у порога,
Отворите кто-нибудь,
Дайте, дайте хоть немного
От скитаний отдохнуть.

Знаю песен я немало, —
Я всю ночь готов не спать.
Не корите, что устало
Будет голос мой звучать.

Но калитки не отворят
Для певца ни у кого.
Только ветры воем вторят
Тихим жалобам его.

10 июля 1898 г.

ОКНО НОЧНОЕ

Весь дом покоен, и лишь одно
Окно ночное озарено.

То не лампадный отрадный свет:
Там нет отрады, и сна там нет.

Больной, быть может, проснулся вдруг,
И снова гложет его недуг.

Или разлуке обречена,
В жестоких муках не спит жена.

Иль, смерть по воле готов призвать,
Бедняк бездольный не смеет спать.

Над милым прахом, быть может, мать
В тоске и страхе пришла рыдать.

Иль скорбь иная зажгла огни.
О злая, злая! к чему они?

5 августа 1898 г.

В его саду растет рябина.
В его дому живет кручина.
На нем изношенный кафтан.
Глаза окутаны туманом,
Как будто налито шафраном,
Лицо, и согнут тощий стан.

Надежда милая убита,
И что от бед ему защита?
Терпеть судьба ему велит.
Перед его печальной хатой,
Враждебной властью заклятой,
Рябина горькая стоит.

4 августа 1898 г.

Холод повеял в окно, —
И затворилось оно.

Снова один я, и в мире живом,
И не обманут промчавшимся сном.

Снова я грустен и нем.
Где же мой кроткий Эдем?

Пестрым узором напрасно дразня,
Темные стены глядят на меня.

Скучная лампа горит.
Скучная книга лежит.

22 августа 1898 г.

Не говори, что мы устали,
И не тужи, что долог путь.
Нести священные скрижали
В пустыне должен кто-нибудь.

Покрыты мы дорожной пылью,
Избиты ноги наши в кровь, —
Отдаться ль робкому бессилью,
И славить нежную любовь?

Иль сделать выбора доныне
Мы не хотели, не могли,
И с тяжкой ношею в пустыне
Бредем бессмысленно, в пыли?

О нет, священные скрижали
Мы донесем хоть как-нибудь.
Не повторяй, что мы устали,
Не порицай тяжелый путь.

22 августа 1898 г.

Мечты о славе! Но зачем
Кумир мне бронзовый иль медный,
Когда я в жизни робко-нем,
Когда я в жизни странник бледный!

На шумных улицах, где я
Иду, печальный и усталый,
Свершать в пределах жития
Мой труд неизвестный и малый,

На перекрестке, где-нибудь,
Мое поставят изваянье.
Чтоб опорочить скорбный путь
И развенчать мое изгнание.

О суэта! о бедный дух!
Честолюбивое мечтание!
Враждебно-чуждых жизней двух
Столь незаконное слияние!

Я отрекаюсь наперед
От похвалы, от злой отравы,
Не потому, что смерть взойдет
Предтечею ненужной славы,

↓ А потому, что в мире нет
Моим мечтам достойной цели,
И только ты, нездешний свет,
↑ Чаруешь сердце с колыбели.

23 августа 1898 г.

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.

Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,

Если мне вечно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,

Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь

И в совершенном созданьи одном
Чистым навеки зажечься огнем.

26 августа 1898 г.

Вот минута прощальная
До последнего дни...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?

Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?

Для того ли скиталася
Ты повсюду за мной,
И ночей дожидалася
С их немой тишиной?

И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.

27 августа 1898 г.

На улицах пусто и тихо,
И окна, и двери закрыты.
Со мною — безумное Лихо,
И нет от него мне защиты.

Оградой железной и медной
Замкнулся от нищих богатый.
Я — странник унылый и бледный,
А Лихо — мой верный вожатый.

И с ним я расстаться не смею.
На улицах пусто и тихо.
Пойдем же дорогой своею,
Косматое, дикое Лихо!

29 августа 1898 г.

Там тишина с мечтой сплеталась
В кругу безветренных берез,
И безнадежность улыбалась
Толпе больных и жалких грез.

Хотело сердце лицемерить,
И очи — слезы проливать,
И как-то странно было верить,
И как-то странно было ждать.

И все томительно молчало, —
Уже природа не жила,
И не стремилась, не дышала,
И не могла, и не была.

9 сентября 1898 г.

Камыш качается
И шелестит,
И улыбается,
И говорит
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,
С дремою тонкою
В полдневный зной.

Едва колышется
В реке волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несет мне весть,
Что полдень сладостный
И светлый есть.

На небе чистая
Моя звезда
Зажглась лучистая,
Горит всегда,
И сны чудесные
На той звезде, —
И сны небесные
Со мной везде.

12 сентября 1898 г.

V

Друг мой тихий, друг мой даль
Посмотри, —
Я холодный и печальный
Свет зари.

Я напрасно ожидаю
Божества, —
В бледной жизни я не знаю
Торжества.

Над землею скоро встанет
Ясный день,
И в немую бездну капет
Злая тень, —

И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальний
Я умру.

14 сентября 1898 г.

Полночь, а не спится.
Девочка боится,
Плачет и томится
Смертною тоской, —
Рядом, за стеною,
Гроб с ее родною,
С мамою родной.

Что ж, что воскресенье!
Завтра погребенье,
Свечи, ладан, пенъе
Над ее родной,
И опустят в яму,
И засыпят маму
Черною землей.

— Мамъ, неужели
Ты и в самом деле
В гробе, как в постели,
Будешь долго спать? —
Девочка шептала.
Вдруг над нею стала
С тихой речью мать.

— Не тужи, родная,
Дочка дорогая, —
Тихо умерла я,

Мне отрадно спать.
Поживи, — устанешь,
И со мною станешь
Вместе почивать.

15 сентября 1898 г.

Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарен прекрасною звездою
Далекий мир.

Земля Ойле плывет в волнах эфира,
Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира
На той земле.

Река Лигой в стране любви и мира,
Река Лигой,
Колеблет тихо ясный лик Маира
Своей волной.

Бряцанье лир, цветов благоуханье,
Бряцанье лир,
И песни жен слились в одно дыханье,
Хвала Маир.

15 сентября 1898 г.

На Ойде далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойде далекой и прекрасной
Песней сладкогласной и согласной
Славит все блаженство бытия.

Там, в сияньи ясного Маира,
Все цветет, все радостно поет.
Там, в сияньи ясного Маира,
В колыханьи светлого эфира,
Мир иной таинственно живет.

Тихий берег синего Лигоя
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя —
Вечный мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты.

22 септлорн 1898 г.

Все, чего нам здесь недоставало,
Все, о чем тужила грешная земля,
Расцвело на вас и засияло,
О, Лигойские блаженные поля.

Мир земной вражда заплонила,
Бедный мир земной в унынье погружен,
Нам отрадна тихая могила,
И, подобный смерти, долгий, темный сон.

Но Лигой струится и трепещет,
И благоухают чудные цветы,
И Маир безгрешный тихо блещет
Над блаженным краем вечной красоты.

25 сентября 1898 г.

Мы скоро с тобою
Умрем на земле, —
Мы вместе с тобою
Уйдем на Ойле.

Под ясным Маиром
Узнаем мы вновь,
Под светлым Маиром,
Святую любовь.

И все, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что солнце скрывает
Покажет Маир.

22 септлорн 1858 г.

Мой прах истлест понемногу,
Истлест он в сырой земле,
А я меж звезд найду дорогу
К иной стране, к моей Ойле..

Я все земное позабуду,
И там я буду не чужой, --
Доверюсь я иному чуду,
Как обычаюности земной.

22 сентября 1898 г.

Бесстрастен свет с Маира,
Безгрешен взор у жеи, —
В сиянии с Маира
Великий праздник мира
Оградой окружен.

Далекая отрада
Близка душе моей, —
Ойле, твоя отрада —
Незримая ограда
От суетных страстей.

22 сентября 1898 г.

Громадный живот,
Искаженное злобой лицо,
Окровавленный рот,
А в носу — золотое кольцо.

Уродлив и наг,
И вся кожа на теле черна, —
Он — кудесник и враг,
И свирепость его голодна.

На широком столбе
Он сидит, глядит на меня,
И твердит о судьбе,
Золотое копьё наклона.

«Сразить не могу, —
Говорит, — не пришел еще срок.
Я тебя стерегу,
Не уйдешь от меня: я жесток.

Копье подыму,
Поражу тебя быстрым копьем,
И добычу возьму
В мой костями изукрашенный дом».

2 октября 1898 г.

Опять в лазури ясной,
Высоко над землей
Дракон ползет прекрасный,
Сверкая чешуей.

Он вечно угрожает,
Свернувшись в яркий круг,
И взором поражает
Блистающих подруг.

Один царить он хочет
В эфире голубом,
И злые стрелы точит,
И мечет зло кругом.

2 октября 1898 г.

Если трудно мне жить, если больно дышать,
Я в пустыню иду — о тебе помечтать,
О тебе рассказать перелетным ветрам,
О тебе погадать по лесным голосам.

Я позвал бы тебя, — не умею назвать;
За тобой бы послал, — да не смею послать;
Я пошел бы к тебе, — да не знаю пути;
А и знал бы я путь, — так боялся бы идти.

Я холодной тропой одиноко иду,
И земное забыл и сокрытого жду, —
И безмолвная смерть поцелует меня,
И к тебе уведет, тишиной осеня.

3 октября 1898 г.

Ветер в трубе
Воет о чьей-то судьбе. —
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.

«Бедные дети в лесу!
Кто им укажет дорогу?
Жалобный плач понесу
Тихо к родному порогу,

Ставнями стукну слегка,
Сам под окошком завою, —
Только немая тоска
К ним заберется со мною.

Им непонятен мой зов.
Дети, обнявшись, заплачут.
Очи голодных волков
Между дерев замаячут».

Ветер в трубе
Плачет о чьей-то судьбе, —
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.

6 октября 1898 г.

Для чего в пустыне дикой
Ты возник, мой вешний цвет?
Безнадежностью великой
Беспощадный веет свет.

Нестерпимым дышит жаром
Лютый змей на небесах.
Покоряясь ярим чарам,
Мир дрожит в его лучах.

Милый цвет, ты стебель клонишь,
Ты грустишь, ты одинок, —
Скоро венчик ты уронишь
На сухой и злой песок.

Для чего среди пустыни
Ты возник, мой вешний цвет,
Если в мире нет святыни,
И надежды в небе нет.

47 октября 1898 г.

Для безрадостно пустыни,
Верный спутник мой — тоска,
И она и я невинны,
Что свобода далека.

Для меня закон — смиренье,
Удаленье от борьбы,
И безмолвное терпенье
В испытаниях судьбы.

Жизнь моя над суетою
Вознеслась, земле чужда,
Предначертанной стезею,
Непорочная звезда.

20 декабря 1898 г.

Суровый звук моих стихов —
Печальный отзвук дальней речи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О вдохновеенье горьких слов?

Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной.

И только звук, неясный звук
Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданьи чуда
Забуть ли горечь долгих мук!

6 января 1899 г.

Вести об отчизне
Верьте иль не верьте, —
Есть весна у жизни,
Есть весна у смерти.

Если розы красны,
То купавы бледны.
Небеса бесстрастны,
Мы же, люди, бедны.

Истина предстанет
Поздно или рано.
Здесь обманет, ---
В смерти нет обмана.

20 марта 1899 г.

Σ **Н**едотыкомка серая
Все вокруг меня вьется да вертится, —
То не лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою, —
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

4 октября 1899 г.

Рассвет полусонный, я очи открыл,
Но нет во мне воли, и нет во мне сил.

И душины покровы, и скучно лежать,
Но свет мой не хочет в окне засиять.

Докущая лампа, тебя ли зажечь,^о
Чтоб взоры направить на мертвую речь?

Иль грешной мечтою себя веселить,
Приникнуть к подушке, и все позабыть?

Рассвет полусонный, я бледен и хил,
И нет во мне воли, и нет во мне сил.

21 ноября 1899 г.

И я возник из бездны дикой,
И вот цвету,
И создаю мир великий,
Мою мечту.

А то, что раньше возникало, —
Иные сны, —
Не в них ли кроется начало
Моей весны?

Моя мечта — и все пространства
И все чреды,
Весь мир — одно мое убранство,
Мои следы.

И если ныне в бедном теле
Так тесно мне, —
Утешусь я в ином пределе,
В иной стране.

13 апреля 1900 г.

Земле раскрылись не случайно
Многообразные цветы, —
В них дышит творческая тайна,
Цветут в них божии мечты.

Что было прежде силой косной,
Что жило тускло и темно,
Теперь омыто влагой росной,
Сияньем дня озарено, —

И в каждом цвете, обаяньем
Невинных запахов дыша,
Уже трепещет расцветаньем
Новорожденная душа,

29 ноября 1900 г.

АНГЕЛ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ

Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, —
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.

Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.

Кротко потушены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два легких крыла.

Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, —
Только на поясе белом
Два золотые ключа.

Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы засловил.

В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог,
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.

2-3 декабря 1900 г.

Не доживу до светлых дней,
Не обрету тебя, свобода,
И вдохновенного народа
Я не увижу. В мир теней,
Как от пустого сновиденья,
Я перейду без сожаленья
И без тоски. Но все же я
Из темных недр небытия
Хотел бы встать на час единый, —
Перед всемирною кончицей
Изведать ясность жития.

25 февраля 1904 г.

Преодолев тяжелое косненье
И долгий путь причин,
Я сам — творец, и сам — свое творенье,
Бесстрастен и один.

Ко мне струилось пламенное слово.
Блестая, дивный меч,
Архангелом направленный сурово,
Меня грозился сжечь.

Так, светлые владыку не узнали
В скитальце и рабе,
Но я разбил старинные скрижали
В томительной борьбе.

О грозное, о древнее сверканье
Небесного меча!
Убей раба за дерзкое исканье
Эдемского ключа.

Исполнил раб завещанное дело:
В пыли земных дорог
Донес меня до вечного предела,
Где я — творец и бог.

11 июля 1901 г.

Не кончен путь далекий,
Усталый, одинокий,
Сижу я в поздний час.
Туманны все дороги,
Роса мне мочит ноги,
И мой костер погас,
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!

Все в этом темном поле
Одной покорно воле,
Вся эта ночь — моя!
И каждая былинка,
И каждая росинка,
И каждая струя, —
Все мне согласно внемлет,
Мечтой моей дыша.
В моем томленьи дремлет
Всемирная душа.

Далек предел высокий,
Усталый, одинокий,
Над влажною золой,
Я сам собою светел, —
Я путь себе наметил

Не добрый и не злой, —
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!

40 июля 1901 г.

Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?
Иль навеки претворилась ты в мечты,
И в мечтах неясных, в тихом полусне,
Лишь о невозможном возвещаешь мне?

Путь один лишь знаю, — долог он и крут, —
Здесь цветы печали бледные цветут,
Умирает без ответа чей-то крик,
За туманом солнце скрыто — тусклый лик.
Утомленьем и могилой дышит путь, —
Воля к смерти убеждает отдохнуть,
И от жизни обещает уберечь.
Холодна и однозвучна злая речь,
Но с отрадой и с надеждой внемлю ей
В тишине, в томленьи неподвижных дней.

4 августа 1901 г.

Я печален, я грешен, —
Только ты не отвергни меня.
Я твоей красотой утешен
В озареньи ночного огня.

Не украшены стены,
Желтым воском мой пол не натерт, —
Я твоей не боюсь измены,
Я великою верою тверд.

И на шаткой скамейке
Ты, босая, сидела со мной.
И в тебе, роковой чародейке,
Зажигался пленительный зной.

Есть у бедности сила, —
И печалью измученный взор
Зажигает святые светила,
Озаряет великий простор.

12 августа 1904 г.

V

Поклонюсь тебе я платой многою, —
Я хочу забвенья да веселия, —
Ты поди некошною дорогою,
Ты нарви мне ересного зелия.

Белый саван брошен над болотами,
Мертвый месяц поднят над дубравою, —
Ты пройди заклетыми воротами,
Ты приди ко мне с шальной пошавою.

Страшен навий след, но в нем забвение,
Горек омег твой, но в нем веселие,
Мертвых уст отраднo дуновение, —
Принеси ж мне, ведьма, злое зелие.

14 августа 1901 г.

Прозрачный сок смолистый,
Застывший на коре.
Пронизан воздух мгlistый
Мечтаньем о заре.

Скамейка у забора,
Далекий плеск реки.
Расстаться надо скоро...
Пожатие руки...

Ты скрылась в тень густую
В замолкнувшем саду.
Гляжу во мглу noctную,
Одни в полях иду.

Застенчивой весною,
Стыдяся белых ног,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорог.

Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет
В дыханьи вешних чар.

И в поле ты, босая, —
В платочке голова, —
Пойдешь, цветкам бросая
Веселые слова.

15 августа 1901 г.

Он песни пел, пленял он дев,
Владел и шпагой и гитарой.
Пройдет, — и затихает гнев
У ведьмы, даже самой ярой.

И жен лукавая хвала,
И дев мерцающие взоры!
Но бойтесь — у богини зла
Неотвратимы приговоры.

Она предстала перед ним
В обличьи лживом девы нежной.
Одежда зыблилась, как дым,
Над дивной грудью белоснежной.

Он был желаньем уязвлен,
Она коварно убегала, —
За ней бежал все дальше он,
Держась за кончик покрывала, —

И увлекла в долину бед,
И скрылась на заклятом берегу,
И на проклятый навий след
Он наступил в безумном беге.

И цвет очей его увял,
И радость жизни улетела,

И тяжкий холод оковал
Его стремительное тело.

И тает жизнь его, как дым.
В тоске бездейственно-унылой
Живет он, бледный нелюдим,
И только ждет он смерти милой.

45 августа 1904 г.

Не я воздвиг ограду,
Не мне ее разбить.
И что ж! Найду отраду
За той оградой быть.

И что мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры.

Я призрачную душу
До неба вознесу, —
Воздвигну, — и разрушу
Мгновенную красу.

Что бьется за стеною, —
Не все ли мне равно!
Для смерти лишь открою
Потайное окно.

23 сентября 1901 г.

ПРОСТАЯ ПЕСЕНКА

Под остриями
Вражеских пик
Светик убитый,
Светик убитый поник.

Миленький мальчик,
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

Били, стреляли, —
Ты не бежал,
Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.

Конь офицера
Вражеских сил
Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступил.

Миленький мальчик,
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

22 ноября 1901 г.

Порочный отрок, он жил один,
В мечтах и сказках его душа цвела.
В тоске туманной больных долин
Его подругой была ночная мгла.

Она вплетала в его мечты
И зной и холод — отраву злых болот.
Очарованье без красоты!
Твои оковы никто не разорвет.

9 января 1902 г.

Как часто хоронят меня!
Как часты по мне панихиды!
Но нет для меня в них обиды,
Я выше и Ночи и Дня.

Усталостью к отдыху клонят,
Болезнями тело томят,
Печальями со света гонят,
И ладаном в очи дымят.

Мой путь перед ними не понят,
Венец многоцветный измят, —
Но как ни поют, ни хоронят,
Мой свет от меня не затмят.

Оставьте ненужное дело,
Направьте обратно ладью, —
За грозной чертою предела
Воздвигнул я душу мою.

Великой зарею зардела
Любовь к моему бытию.
Вселенское, мощное тело
Всемирной душе создаю.

Ладью мою вечно стремите
К свершению творческих дел, —
И если найдете предел,
Отпойте меня, схороните!

4 апреля 1902 г.

В предутренних потьмах я видел злые сны.
Они меня до срока истомили.

Тоска, томленье, страх в работу вплетены,
В сиянье дня — седые космы пыли.
Предутренние сны, безумной ночи сны, —
На целый день меня вы отравили.

Есть белый нежный цвет, — далек он и высок,
Святая тень, туманно-голубая.

Но мой больной привет начертан на песок,
И тусклый день, так медленно ступая,
Метет сухой песок, медлительно жесток.
О жизнь моя, безжалостно-скупая!

Предутреннего сна большая тишина,
Немая грусть в сияньи Змия.
Святые ль наизусть твердишь ты имена,
Ты, мудрая жена седого Вия,

Предутреннего сна большая тишина,
Но где ж твои соперницы нагие?

Иль тусклой пеленой закроется закат,
И кто за ним, то будет Тайной снова,
И мертвой тишиной мучительно объят,
Сойду к Иным без творческого Слова?
Мучительный закат, безжалостный закат,
Последний яд, усмешка Духа Злого.

21 апреля 1902 г.

Ветер тучи носит,
Носит вихри пыли.
Сердце сказки просит
И не хочет были.

Сидеть за стеною, работником быть, —
О ветер, — ты мог бы и стены разбить!

Ходить по дорогам из камней и плит, —
Он только тревожит, он только скользит!

И мертвые видеть повсюду слова, —
Прекрасная сказка навеки мертва.

23 мая 1902 г.

Быть простым, одиноким,
Навсегда, — иль надолго, — уйти от людей,
Любоваться лишь небом высоким,
Лепетание слушать ветвей,
Выходить на лесные дороги
Без казны золотой, без сапог,
Позабыв городские чертоги
И толпу надоедливых, темных тревог.

Но на всякой тропинке
Кто-нибудь да идет
И в руках иль корзинке
Что-нибудь да несет.
Всюду крики, ауканье, речи,
И ребячий бессмысленный смех,
И ненужные, глухие встречи,
И бренчанье ненужных потех.
И одежды веригам подобны,
И деньгами оттянут карман,
И голодные нищие злобны,
И в домах притаился обман.

О пустынная радость!
О безлюдье далеких равнин!
Тишины безмятежная сладость,
И внимающий — только один.

Милый брат мой, вздымающий крылья
Выше леса и туч,
Из отчизны тупого бессилья
Унеси меня, сладкою мукой измучь..

11 июня 1902 г.

Я сжечь ее хотел, колдунью злую.
Но у нее нашлись проклятые слова, —
Я увидал ее опять живую, —
Вся в пламени и в искрах голова.

И говорит она: «Я не сгорела, —
Восстановил огонь мою красу.
Огнем упитанное тело
Я от костра к волшебству унесу.

Перебегая, гаснет пламя в складках
Мои магических одежд.
Безумен ты! в моих загадках
Ты не найдешь своих надежд».

12 июня 1902 г.

Оргийное безумие в вине,
Оно весь мир смеясь колышет,
Но в трезвости и в мирной тишине
Порою то ж безумье дышит.

Оно молчит в нависнувших ветвах
И стережет в пещере жадной,
И, затаясь в медлительных струях,
Оно зовет в покой прохладный.

Порою, в воду мирно погружаясь,
Вдруг власть безумия признает тело.
И чуешь ты таинственную связь
С твоей душой губительного дела.

18 июня 1902 г.

ЕЛИСАВЕТА

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов.

Ее могила, ее могила
В краю ином.
Она скончалась. Ее могила —
Ревнивый дом.
Победа смерти не победила
Любви моей.
Сильна могила, ее могила, —
Любовь сильней.

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Слова завета, слова завета
Не нам забыть.
С тобою вместе, Елисавета,
Нам надо быть.

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
Пора пришла.
Земное злое растает бремя,
Как сон, как мгла.
Земное бремя, — пространство,
время, —
Мгновенный дым.
Земное, злое расторгнем бремя,
И победим!

Елисавета. Елисавета,
Приди ко мне.
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Тебя я встречу в блистаньи света
Любовь моя.
Мы будем вместе, Елисавета,
И ты, и я.

21 июля 1902 г.

В село из леса она пришла, —
Она стучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее в дома.
И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна.
И не пускали ее в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла,
Она упала, — и умерла.

26 июня 1902 г.

Равно для сердца мило,
Равно волнует кровь
И то, что прежде было,
И то, что будет вновь,
И темная могила,
И светлая любовь.

А то, что длится ныне,
Что мы зовем своим,
В безрадостной пустыне
Обманчиво, как дым.
Томимся о святыне,
Завидуем иным.

6 июля 1902 г.

В тихий вечер на распутии двух дорог
Я колдунью молодую подстерег,
Я колдунью молодую подстерег,
И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил.
Предо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародейные слова,
И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,
И сказала: «Этот камень ты возьмешь. —
С ним не бойся, — не захочешь, не умрешь.
Этот камень все на шею ты носи,
И другого талисмана не проси.
Не для счастья иль удачи, иль венца, —
Только жить, все жить ты будешь без конца.
Станет скучно, — ты веревку оборвешь,
Бросишь камень, станешь волен, и умрешь. . .

7 июля 1902 г.

Опять заря смеяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свежей зелени роса.

Ты гордый стыд преодолела,
Ты победила сонм тревог,
И пышных платьев не надела,
И не обула нежных ног.

Конец исканиям мятежным.
Один лишь путь, смиренный, прав,
К твоим ногам, в лобзаньи нежном,
Приникли стебли тихих трав,

И свежесть утренней прохлады
Тебя, лаская, обняла.
Цветы душисты, птицы рады,
Душа свободна и смела.

9 июля 1902 г.

Люблю блуждать я над трясиною
Дрожащим огоньком,
Люблю за липкой паутиною
Тапться пауком,
Люблю летать я в поле оводом
И жалить лошадей,
Люблю быть явным, тайным поводом
К мучению людей.

Я злой, больной, безумно-мстительный,
Зато томлюсь и сам.
Мой тихий стон, мой вопль медлительный —
Укоры небесам.
Судьба дала мне плоть растленную,
Отравленную кровь.
Я возлюбил мечтою пленною
Безумную любовь.

Мои порочные томления,
Все то, чем я прельщен, —
В могучих чарах навождения
Многообразный сон.
Но он томит больной обидою.
Итти путем одним
Мне тесно. Всем во всем завидую,
И стать хочу иным.

9 июля 1902 г.

Детский лепет мне несносен,
Мне противен стук машин.
Я хочу под тенью сосен
Быть один, всегда один,

Чтоб пустынно восходило
И катилось надо мной
Безответное светило,
Змей безумно-золотой,

Чтоб свободный и пустынный
Веял ветер всех сторон,
Погружая душу в длинный,
Безразгадно-вещий сон,

Чтоб никто не молвил слов
Ни со мной, ни обо мне,
Злым вторжением былого
В беспредельной тишине,

И, когда настанет время
Беспробудно опочить
И томительное бремя
С утомленных плеч сложить, —

Чтоб никто моей пустыней
С тихим пеньем не ходил,
Чтоб не плавал ладан синий
Вокруг колеблемых кадил.

16 июля 1902 г.

Когда я в бурном море плавал,
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, — я тону.

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, —
Я власти темного порока
Отдам остаток черных дней». —

И Дьявол взял меня и бросил
В полуистлевшую ладью.
Я там нашел и пару весел,
И серый парус, и скамью.

И вынес я опять на сушу,
В больное, злое житие,
Мою отверженную душу
И тело грешное мое.

И верен я, отец мой, Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал
И ты меня из бездны спас.

Тебя, отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И, соблазняя, соблазню.

23 июля 1902 г.

Благоухающий и бледный,
Ты ждал меня, мой ландыш бедный,
И без меня в тоске поблек,
А я замедлил на дороге,
И я, как ты, в немой тревоге,
В уединеньи изнемог.

В больной тоске разъединенья
Влачились дней безумных звенья,
Я раскрывал за далью даль,
Мечтам не ставил я предела,
И над тобой отяготела
Моя холодная печаль.

В просветы листьев над тобою
Синел бездонной глубиною
Невозмутимый мой простор.
Я был безумным и жестоким,
И над тобой шатром высоким
Я смерть всемирную простер.

29 января 1905 г.

ГИМНЫ РОДИНЕ

1

О Русь! в тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
О родина моя!

Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.

Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость.
Тебе, отчизна, стои я радость,
И безнадежность, и покой.

Милее нет на свете края,
О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
Слагаю гимны я.

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.

И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь.
И тьмой, и холодом могилы,
Я не хочу с него свернуть.

Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу все те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»

3

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.
Свобода победы ликует
В чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли.
В безумных, в напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.

3 апреля 1903 г.

Мы поклонялися владыкам
И в блеске дня и в тьме божниц,
И перед каждым грозным ликом
Мы робко повергались ниц.

Владыки гневные грозили
И расточали гром и зло,
Порой же милость возносили
Так величаво и светло.

Но их несправедная милость,
Как их карающая месть,
Могли к престолом лишь унылость,
Тоской венчанную, возвесть.

Мерцал венѳц ее жемчужный,
Но свет его был тусклый блеск,
И вся она была ненужный
И непонятный арабск.

Владык встречая льстивым кликом. —
И клик наш соткан был из тьмы, —
В смятеньи темном и великом
Чертог ее ковали мы.

Сбивались пламенные лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая Денница
Не поражала и не жгла.

19 мая 1903 г.

МЕДНЫЙ ЗМИЙ

Возроптали иудеи:
«Труден путь наш, долгий путь.
Пресмыкаясь, точно змеи,
Мы не смеем отдохнуть».

В стан усталых иудеев
Из неведомой земли
Вереницы мудрых змеев
Утром медленно ползли.

Подымался к небу ропот:
«Нет надежд, и нет дорог!
Или нам наш долгий спит
Недостаточно был строг?»

Рано утром, в час восхода,
Голодна, тоща и зла,
В стан роптавшего народа
Рать змеиная ползла.

И, раздор меж братьев сея,
Говорил крамольник злой:
«Мы отвергнем Моисея,
Мы воротимся домой».

Чешуей светлозеленой
Шелестя в сухой пыли,
По равнине опаленной
Змеи медленно ползли.

«Здесь, в пустыне этой пыльной.
Мы исчахнем и умрем.
О, вернемся в край обильный,
Под хравительный ярем...»

Вдруг, ужаленный змеею,
Воин пал сторожевой, —
И сбегаются толпою
На его предсмертный вой.

И, скользя между ногами
Старцев, жен, детей и дев,
Змеи блещут чешуями,
Разевают хищный зев.

И воизают жала с ядом
В обнаженные стопы
Их враждебно-веющим взглядом
Очарованной толпы.

Умирили иудей, —
И рассказали они.
«Моисей, нас жалат змеи, —
Возоил народ, — взгляни:

Это — кара за роптанье.
Умоли за нас творца,

Чтоб господне наказание
Не свершилось до конца».

И, по слову Моисея,
Был из меди скован змей,
И к столбу прибили змея
Остриями трех гвоздей.

Истощили яд свой гости
И, шурша в сухой пыли,
Обессиленные злости
В логовища унесли.

Перед медным изваяньем
Преклоняется народ,
И смиренным покаяньем
Милость Божию зовет.

Июнь 1903 г.

На гармонике рев трепака,
Безобразная брань мужика,
Соловья надоедливый треск,
Стрекотание звонких стрекоз,
И бессмысленный солнечный блеск,
И дыхание резкое роз, —
Все телесно и грубо вокруг.
Пожалей меня, ласковый друг!

12 июня 1903 г.

Сиверская

ЦАРИЦА КРАСОТЫ

В недостижимом чертоге
Жила царица красоты,
И с нею были только боги
И легкокрылые мечты.

Озарена святым блаженством,
И безмятежна, и ясна,
Невозмутимым совершенством
Сияла радостно она.

Легко-сотканые одежды
Едва касались нежных плеч,
Отрадным веяньем надежды
Приветная звучала речь.

И только легкие мечтанья
К ней возносились от земли,
А люди, бременные созданья,
Ее достигнуть не могли.

Катилось кроткое светило
Над тихим плеском горных рек,
Дневное ж солнце не выходило
Над миром радостным вовек.

Но злой Дракон, кующий стрелы,
Свою и здесь насытил злость.
Однажды в дивные пределы
Вступил неожиданный, странный гость.

Смотрел он дико и сурово,
Одежда вся была в пыли.
Он произнес земное слово,
Повеял запахом земли,

И пред царицею смущенной,
Охвачен вихрем злых тревог,
Мольбами страсти иступленной
Он огласил ее чертог.

Смутились радостные боги,
Померкли светлые мечты,
Все стало призрачно в чертоге
Царицы дивной красоты, —

И в тяжелой муке отвращения
Вкусила смерть Царица грез, —
И Змей в безумстве злого мщенья
Свой лик пылающий вознес.

3 марта 1904 г.

Что твой ропот своевольный! покоряйся, —
жить довольно.
Все лучи померкли в небе, и в ночной росе
ключи, —
И опять Она с тобою. Слушай, слушай,
и молчи.

14 октября 1905 г.

АЛМАЗ

Легкою игрою низводящий радугу на землю,
Раздробивший непреклонность слитных
змиевых речей,
Мой алмаз, горящий ярко беспредельностью
лучей,
Я твоим вещаньям вещим, многоцветный
светоч, внемлю.

Злой Дракон горит и блещет, ослепляя
зоркий глаз.
Льется с неба свет его, торжественно прямой
и белый, —
Но его я не прослаблю, — я пред ним
поставлю смелый,
Ограниченный, но свободный и холодный мой
алмаз.

Посмотрите, — разбежались, развизжались
бесенята,
Так и блещут, и трепещут, — огоньки и
угольки, —
Синий, красный и зеленый, быстры, зыбки
и легки.
Но не бойтесь, успокойтесь, — знайте, наше
место свято,

И простите бесенятам ложь их зыбкую и
дрошь.
Злой Дракон не знает правды, и открыть ее
не может.
Он волнует и тревожит, и томленья наши
множит,
Но в глаза взглянуть не смеет, потому что
весь он — ложь.

Все лучи похитив с неба, лишь один царить
он хочет,
Многоцветный праздник жизни он таит от
наших глаз,
В яркой маске лик свой кроет, стрелы
пламенные точит, —
Но хитросплетенье злое разлагает мой алмаз.

Апрель 1904 г.

Высоко я тебя поставил,
Светло зажег, облек в лучи,
Всемирной славою прославил, —
Но от склонений не избавил,
И в яркий жар твой я направил
Неотразимые мечи.

Горишь ли ты над небосклоном,
Иль утомленный клоннись лик, —
Мои мечи с тяжелым звоном
Тебя разят, — и долгим стоном
Моим ответствуя законам,
Ты к алым областям приник.

И уж напрасно хочешь целым
Остаться ты, надменный Змей,
Святым, торжественным и белым, —
Я волю дал восстаньям смелым.
Стремись же к пламенным пределам,
И тяготей пламеней.

8 апреля 1904 г.

Обольщенья и печали,
Отойдите от меня.
Вы не раз меня венчали,
Чаровали, величали,
Слаще ночи, ярче дня.

Ваши ласки были жгучи,
Как лобзания бича, —
Но пора! Иные тучи
Надо мной, дорога круче, —
И к чертогу нет ключа.

11 мая 1904 г.

Я жил как зверь пещерный,
Холодной тьмой объят,
Заветам ветхим верный,
Бездушным скалам брат.

Но кровь моя кипела
В томительном огне, —
И призрак злого дела
Творил я в тишине.

Над мраками пещеры,
Над влажной тишиной
Скитались химеры,
Воздвигнутые мной.

На каменных престолах,
Как мрачные цари,
В кровавых ореолах
Мерцали упыри.

Безумной лаской нежить
Во тьме и тишине
Отверженная нежить
Сбиралась ко мне.

И я как зверь скитался
В кругу заклятых сил,
И скверною питался,
Но смерти не вкусил.

15 июня 1904 г.

Я один в безбрежном мире, я обман личин
отверг.

Змий в пылающей порфире пред моим
огнем померк.

Разделенья захотел я, и воздвиг широкий
круг,

Вольный мир огня, веселья, сочетаний
и разлук.

Но наскучила мне радость переменчивых
лучей,

Я зову иную сладость, слитность верную
ночей.

Темнота ночная пала, скрылась бледная луна,
И под сенью покрывала ты опять со мной
одна.

Ты оставила одежды у порога моего.
Исполнение надежды — радость тела твоего.

Преодо мною ты нагая, как в творящий
первый час.

Содрогаясь и вздыхая, ты нагая. Свет погас.

Ласки пламенные чую, вся в огне жестоком
кровь.

Весть приемлю роковую: «Ты один со мною
вновь»

17 июля 1904 г.

Насытив очи наготою
Эфирных и бесстрастных тел,
Земною страстной красотою
Я воплотиться захотел.

Тогда мне дали имя Фрины,
И в обаянья пезжных сил
Я восхитил мой Афины
И тело в волны погрузил.

Невинность гимны мне слагала,
Порок стыдился наготы,
И напоил он ядом жалс
В пыли ползущей клеветы.

Мне казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость в победу превратила
Живая сила божества.

Когда отравленное слово
В меня метал мой грозный враг,
Узрел внезапно без покрова
Мою красу ареопаг.

Затмилось злобное гоненье,
Хула свиваясь умерла.
И было старцев поклоненье,
Восторг бесстрастный и хвала.

3 июля 1904 г.

Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой,
И тихо погасни за мглистой чертой.

Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети,
Помедлим с тобою на темном пути.

Люби меня просто, как любит ручей,
Звения и целуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше беги
Разлюбишь, забудешь, — не бойся, не лги.

11 июля 1904 г.

Наивно верю временам,
Покорно предаюсь пространствам,
Земным изменчивым убранствам
И беспредельным небесам.

Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предел, —
Противоречий я хотел,
Мечта владычицею стала.

В жемчуги, злато и виссон,
Прелестница безумно-злая,
Она рядит, не уставая,
Земной таинственный мой сон.

21 октября 1904 г.

СОБОРНЫЙ БЛАГОВЕСТ

1

Давно в степи блуждая дикой
Вдали от шумного жилья,
Внезапно благовест великий,
Соборный звон услышал я.

Охвачен трепетным смятеньем,
Забывши тесный мой шалаш,
Спешу к проснувшимся селеньям,
Твержу: «Товарищи, я ваш!»

Унынье темное уснуло,
Оставил душу бледный страх, —
И сколько говора и гула
На перекрестках и путях!

2

Клеветники толпою черной
У входа в город нам кричат:
— Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат. —

Но кто поверит лживым кликам?
Кому их злоба не ясна,
Когда в согласии великом
Встает родимая страна?

3

В толпе благим вещаньям внемлют.
Соборный колокол велик,
Труды бесстрашные подьемлют
Его торжественный язык.

Он долго спал, над колокольней
Зловещим призраком вися,
Пока дремотой подневольной
Кругом земля дремала вся.

Свободный ветер бури дальней,
Порою мчась издалека,
Не мог разрушить сон печальный,
Колыша медные бока.

И лишь порою стон неясный
Издаст тоскующая медь,
Чтобы в дремоте безучастной
Опять бессильно онеметь.

Но час настал, запрет нарушен,
Разрушен давний тяжкий сон,
Порыву гордому послушен
Торжественно-свободный звон.

Слепой судьбе противореча,
Горит надеждами восток,
И праздник радостного веча,
Великий праздник, не далек.

Он куплен кровью наших братьев,
Слезами матерей омыт,
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутит.

28 ноября 1904 г.

Преодолея дикий холод
Земных страданий и невзгод,
И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.

Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И все цветущее хвалю.

Привет вам, небеса и воды,
Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.

29 ноября 1904 г.

ЖЕСТОКИЕ ДНИ

Ожиданья дни жестоки.
Истомилась любовь.
На враждующем востоке
Льется братьев наших кровь.

И, о мире воздыхая,
Слезно господу моля,
Вся от края и до края
Стонет русская земля.

Слезы матери печальной!
Кто ведет вам поздний счет?
Кто стране многострадальной
Утешенье принесет?

5 декабря 1944 г.

ВОСХОД СОЛНЦА

Солнце светлое восходит,
Озаряя мглистый дол,
Где еще безумство бродит,
Где ликует произвол.

Зыбко движутся туманы.
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Как сильны еще и злы!

Злобы низменно ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтоб зловедшей, черной тучей
Наше солнце затмевать.

Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи.
В час великого восхода
Возноси их, как мечи.

Яркий зной, как тяжкий молот,
Подними и опусти,
Побеждая мрак и холод
Загражденного пути.

- Тем, кто в длительной печали
Гордой волей изнемог,
Озари святые дали
За усталостью дорог.

Кто в объятьях сна немого
Позабыл завет любви,
Тех горящим блеском слова
К новой жизни воззови.

3 декабря 1904 г.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Сел Иван-Царевич
На коня лихого.
Молвил нам Царевич
Ласковое слово:

— Грозный меч подьемлю,
В бой пойду я рано,
Заберу всю землю
Вплоть до океана. —

Год проходит. Мчится
Вестник, воин бледный
Он поспешно мчится.
Шлем иссечен медный.

— Сгибли наши рати
Силой вражьей злобы.
Кстати иль не кстати,
Запасайте гробы.

— Наш Иван-Царевич
Бился с многой славой. —
— Где ж Иван-Царевич? —
— В битве пал кровавой

3 декабря 1904 г.

Высока луна господня.
Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
В тишине.

Ни одна вокруг не лает
Из подруг.
Скучно, страшно, замирает
Все вокруг.

В ясных улицах так пусто,
Так мертво.
Не слышать шагов, ни хруста,
Ничего.

Землю нюхая в тревоге,
Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
Чей-то след.

Никого нигде не будит
Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет, —
Друг иль враг?

Под холодною луною
Я одна.

Нет, невмочь мне, — я завою
У окна.

Высока луна господня,
Высока.
Грусть томит меня сегодня,
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

1905 г. [У]

Пришла ночная сваха,
Невесту привела.
На ней одна рубаха,
Лицом она бела.

Да так, что слишком даже,
В щеках кровинки нет.
— Что про невесту скажешь?
Смотри, и дай ответ. —

— Да что же думать много!
Пришла, так хороша,
Не стой же у порога,
Садись, моя душа.

В глазах угроза блещет,
Рождающая страх,
И острая трепещет
Коса в ее руках.

14 февраля 1905 г.

СОБАКА СЕДОГО КОРОЛЯ

Когда я был собакой
Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.

Но важные вельможи
Противно пахли так,
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.

И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.

Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлюх:
И мы, собаки, грубы,
Когда страдает нюх.

Кому служил я верно,
То был один король.
Он пахнул тоже скверно,
Но был началом воль.

Я с ним и ночью влажной
И в пыльном шуме дня.
Он часто с лаской важной
Похваливал меня.

И только паж румяный,
Веселый мальчуган,
Твердил, что я — поганый
Ворчун и грубиян.

Но, мальчику прощая,
Я был с ним очень прост,
И часто он, играя,
Хватал меня за хвост.

На всех рыча мятежно,
Пред ним смирял я злость:
Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.

Людьми нередко руган,
Он все со мной шалил,
И раз весьма испуган
Мальчишкою я был.

Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
Способную пылать.

Дремал я у престола,
Где восседал король,

И вдруг воспрянул с пола,
В хвосте почувяв боль.

Хвостом косматым плами
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.

Я громко выли и лаял,
Носясь быстрее коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.

Придворные нашлись, —
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялись
Лечением хвоста.

Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечин
Дождался милый паж.

Прибили так, без гнева,
И плакал он шути, —
Притом же королева
Была совсем дитя.

Давно все это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.

Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, —
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.

Ну вот живу я паки,
Но тошен белый свет;
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

Февраль 1905 г.

ПЛЕНЕННЫЕ ЗВЕРИ

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

Если сердце преданиям верно,
Утешаяся лаем, мы лаем.
Что в зверинце зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаем.

К повторениям сердце привычно, —
Однозвучно и скучно кукуем.
Все в зверинце безлично, обычно.
Мы о воле давно не тоскуем.

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

24 февраля 1903 г. [?]

День сгорал, недужно бледный
и безумно чуждый мне.

Я томился и метался
в безнадежной тишине.

Я не знал иного счастья, —
стать недвижным, лечь в гробу.

За метанья жизни пленной
клял я злобную судьбу.

Жизнь меня дразнила тупо,
возвещая тайну зла:

Вся она, в гореньи трупя,
мною замышлена была.

(Это я из бездны мрачной
вихри знойные воззвал,

И себя цепями жизни
для чего-то оковал,

И среди немых раздолий,
где царил седой Хаос,

(Это Я своею злоей
жизнь к сознанию вознес.

15 июля 1903 г.

В чародейном, темном круге,
все простив, что было днем,
Дал я знак моей подруге
тихо вспыхнувшим огнем.

И она пришла, как прежде,
под покровом темноты.
Позабыл я все вопросы,
и спросил я: — Кто же ты?

И она с укором кротким
посмотрела на меня.
Лик ее был странно бледен
в свете тайного огня.

Вкруг нее витали чары
нас обнявшего кольца, —
И внезапно стал мне виден
очерк близкого лица.

43 июля 1905 г.

ШВЕЯ

Нынче праздник. За стеною
Разговор веселый смолк.
Я одна с моей иглою,
Вышиваю красный шелк.

Все ушли мои подруги
На веселый свет взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь как-нибудь.

Мне веселости не надо.
Что мне шум, и что мне свет!
В праздник вся моя отрада,
Чтоб исполнить мой обет.

Все, что юность мне сулила,
Все, чем жизнь меня влекла,
Все судьба моя разбила,
Все коварно отняла.

— Шей нарядные одежды,
Для изнеженных господ!
Отвергай свои надежды!
Проклинай их злую ложь!

И в покорности я никла,
Трепетала, словно лань,
Но зато шептать привыкла
Слово гордое: восстань!

Белым шелком красный мечу*
И сама я в грозный бой
Знамя вынесу навстречу
Рати вражеской и злой.

5 августа 1905 г.

ЗЕМЛЕ

В блаженном пламени восстанья
Моей тоски не утоля,
Снесу сказать мои желанья
Тебе, моя земля.

Производительница хлеба,
Разбей оковы древних меж,
И нас, детей святого неба,
Простором вольности утешь.

Дыханьем бури беспощадной,
Пожаром ярим уничтожь
Заклятья собственности жадной,
Заветов хитрых злую ложь.

Идущего за тяжким плугом
Спаси от долга и от клятв,
И озари его досугом
За торжествами братских жатв.

И засияют светлой волей
Труда и сил твои поля
Во всей безгранности раздолий
Твоих, моя земля.

Ноябрь 1905 г.

День безумный, день кровавый
Отгорел и отзвучал.
Не победой, только славой
Он героев увенчал.

Кто-то плачет, одинокий,
Над кровавой грудой тел.
Враг народа, враг жестокий
В битве снова одолел.

Издеваясь над любовью,
Хищный вскормленник могил,
Он святою братской кровью
Щедро землю напоил.

Но в ответ победным крикам
Восстает, могуч и яр,
В шуме пламенном и диком
Торжествующий пожар.

Грозно пламя заметалось,
Выметая, словно сор,
Все, что дерзко возвышалось,
Что сулило нам позор.

В гневном пламени проклятья
Умирает старый мир.
Славьте, други, славьте, братья,
Разрушенья вольный пир!

Ноябрь 1903 г.

ИСКАЛИ ДОЧЬ

Печаль в груди была остра,
 Безумна ночь, —
И мы блуждали до утра,
 Искали дочь.

Нам запомнилась навеки
Жутких улиц тишина,
Хрупкий снег, немые реки,
Дым костров, штыки, луна.

Чернели тени на огне
 Ночных костров.
Звучали в мертвой тишине
 Шаги врагов.

Там, где били и рубили,
У застав и у палат,
Что-то чутко сторожили
Цени хмурые солдат.

Всю ночь мерещилась нам дочь,
 Еще жива,
И нам нашептывала ночь
 Ее слова.

По участкам, по больницам
(Где пускали, где и нет)
Мы склоняли к многим лицам
Тусклых свеч неровный свет.

Бросали груды страшных тел
В подвал сырой.
Туда пустить нас не хотел
Городовой.

Скорби пламенной язык ли,
Деньги ль дверь открыли нам, —
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.

Ступени скользкие вели
В сырую мглу, —
Под грудой тел мы дочь нашли
Там, на полу.

25 ноября 1905 г.

СПУТНИК

По безмолвию nocturno,
Побеждая страх и сон,
От собратьев шел я к дому,
А за мной следил шпион.

И, честою неразлучной
Жуткий город обходя,
Мы внимали песне скучной
Неумолчного дождя.

В темноте мой путь я путал
На углах, на площадях,
И лицо я шарфом кутал,
И таился в воротах.

Спутник чутко-терпеливый,
Чуждый, близкий, странно-злой,
Шел за мною под дождливой
Колыхающейся мглой,

Как докучливая совесть,
Злая спутница души,
Повторяющая повесть
Дел, таящихся в тиши.

Утомясь теряться в звуке
Повторяемых шагов,
Наконец тюремной скуке
Я предаться был готов.

За углом я встал. Я слышал
Каждый шорох, каждый шаг.
Затаился. Выждал. Вышел.
Задрожал от страха враг.

— Барин, ты меня не трогай, —
Он сказал, дрожа, как лист, —
Я иду своей дорогой.
Я и сам социалист. —

Сердце тяжело, больно билось,
А в руке дрожал кинжал.
Что случилось, как свершилось,
Я не помню. Враг лежал.

4 октября 1905 г.

ХОДИТ, БРОДИТ

Кто-то ходит возле дома.
Эта поступь нам знакома.
Береги детей.
Не давай веселым дочкам
Бегать к аленьким цветочкам, —
Близок лиходей.

А сынки-то — вот мальчишки!
Все изорваны штанишки,
И в пыли спина.
Непоседливый народец!
Завели бы хороводец
В зале у окна.

— Что ж нам дома! точно в клетке —
Вот как вольны стали детки
В наши злые дни!
Да ведь враг наш у порога!
Мать! держи мальчишек строго, —
Розгой их пугни.

Детки остры, спросят прямо:
— Так скажи, скажи нам, мама,
Враг наш, кто же он? —
— Он услышит, он расскажет,

А начальник вас накажет. —
— Ах, так он шпион!

Вот нашла кого бояться!
Этой дряни покоряться
 Не хотим вовек.
Скажем громко, без уклона,
Что пославший к нам шпиона —
 Низкий человек.

Мы играем, как умеем,
И сыграть, конечно, смеем
 Всякую игру.
Пусть ползут ужом и змеем, —
И без них мы разумеем,
 Что нам ко двору. —

Ходит, бродит возле дома.
Злая поступь нам знакома.
 Вот он у дверей.
Детки смелы и упрямы,
Не боятся старой мамы.
 Не сберечь детей.

3 октября 1905 г.

ВЕСЕЛАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

(На четыре голоса)

Что вы, старцы, захудали,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
— Отошнали! —

Что вы, старые старухи,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
— С голодухи! —

Что вы, парни, тихи стали,
Не играете, не скачете,
Все ревете, плачете?
— Тятьку угнали! —

Что вы, детки, приуныли,
Не играете, не скачете,
Все ревете, плачете?
— Мамку убили! —

4 декабря 1905 г.

Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, —
Быть может, это — те,
Кому привольно дома.

Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнет зеленый глаз,
Царапнет быстрый ноготь, —

Прикинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом
Затеет? мучить? нежить?

Куда ты ни пойдешь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснешь.
Но что же будет после?

Прозрачною щекой
Прильнет к тебе сожитель.
Он серою тоской
Твою затмит обитель.

И будет жуткий страх, —
Так близко, так знакомо. —
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.

44 декабря 1905 г.

• ВОЛШЕБНИЦА ЛИЛИТ

Я был один в моем раю,
И кто-то звал меня Адамом.
Цветы хвалили плоть мою
Первоначальным фимиамом.

И первозданное зверье,
Теснясь вокруг меня, на тело
Еще невинное мое
С любовью дикою глядело.

У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие,
И отражения очей
Мне улыбались, благие.

Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.

И вся она была легка,
Как тихий сон, — как сон безгрешна,
И речь ее была сладка,
Как нежный смех, — как смех утешна.

И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, предо мной
Стояла и смеялась Ева...

Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Мои Лилит прошла как тень,
Прошла, ушла, — навеки скрылась.

28 декабря 1905 г.

• ЗЛАЯ ВЕДЬМА

Злая ведьма чашу яда
Подает, — и шепчет мне:
— Есть великая отрада
В затаенном там огне.

Если ты боишься боли,
Чашу дивную разлей, —
Не боишься? так по воле
Пей ее или не пей.

Будут боли, вошлы, корчи,
Но не бойся, не умрешь,
Не оставит даже порчи
Изнурительная дрожь.

Встанешь с пола худ и зелен
Под конец другого дня.
В путь пойдешь, который велел
Духом скрытого огня

3 февраля 1906 г.

Я спешил к моей невесте
В беспощадный день погрома,
Всю семью застал я вместе
Дома.

Все лежали в общей груди...
Крови темные потоки...
Гвозди вбиты были в груди,
В щеки.

Что любовью пламенело,
Грубо смято темной силой...
Пронизали гвозди тело
Милой...

22 июль 1906 г.

Догорало восстанье, —
Мы врагов одолеть не могли, —
И меня на страданье,
На мучительный стыд повели.

Осудили, убили
Победители пленных бойцов,
А меня обнажили
Беспощадные руки врагов.

Я лежала нагая,
И нагайками били меня.
За восстанье отмщая,
За свободные речи казня

Издевался, ругался
Кровожадный насильник
И смеясь забавлялся
Беззащитной моей наготой.

Но безмерность мученья
И позора мучительный гнет
Неизбежности мщенья
Не убьет и в крови не зальет.

Дни безумия злого
Сосчитал уж стремительный рожд.

И восстанья иного
Пламенеющий день не далеж.

27 июля 1906 г.

ЖАЛОСТЬ

Пришла заплаканная жалость,
И у порога стонет вновь:
— Невинных тел святая алость!
Детей играющая кровь!

— За гулким взрывом лютой злости
Рыданья детские и стон.
Страшны изломанные кости
И шепот робкий: это — сон? —

Нет, надо мной бессильно жало
Твое, о жалость! Помню ночь,
Когда в застенке умирала
Моя замученная дочь.

Нагаек свист, и визг мучений,
Нагая дочь, и злой палач, —
Все помню. Жалость, в дни отщепеный
У моего окна не плачь!

14 августа 1906 г.

• ТИХАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Много бегал мальчик мой.
Ножки голые в пыли.
Ножки милые помой.
Моя ножки, задремли.
Я спою тебе, спою:
Баю-баюшки-баю.

Тихо стукнул в двери сон
Я шепнула: — Сон, войди. —
Волоса его, как лен,
Ручки дремлют на груди, —
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю.

— Сон, ты где был? — За горой. —
— Что ты видел? — Лунный свет. —
— С кем ты был? — С моей сестрой. —
— А сестра пришла к нам? — Нет.
Я тихонечко пою:
Баю-баюшки-баю.

Дремлет бледная луна.
Тихо в поле и в саду.
Кто-то ходит у окна,
Кто-то шепчет: Я приду.

Я тихохонько пою:
Баю-баюшки-баю.

Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
Тяжело мне. Я больна.
Помоги мне, милый брат. —
Тихо-тихо я пою:
Баю-баюшки-баю.

Я косила целый день.
Я устала. Я больна.
За окном шатнулась тень,
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
Баю-баюшки-баю.

19 октября 1906 г.

НЮРЕНБЕРГСКИЙ ПАЛАЧ

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришел я в Нюренберг.

На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.

Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.

Пришел к нему, уялся
Владеть его мечом.
И в доль его вайбился
И стал и палачом.

Народною боязнью
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой темный меч.

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлышет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Лойду неспешно прочь

От скучного позора
В мою дневную ночь.

Сурово хмурия брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Припикнет к палачу.

Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.
Опять веревка свяжет
Тоску мою.

Стенания и слезы, —
Палач — везде палач.
О скучный плеск березы!
О скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!

22 февраля 1907 г.

ЛУННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я не знаю много песен, знаю песенку
одну.

Я спою ее младенцу, отходящему ко
сну,

Колыбельку я рукою осторожною качну.
Песенку спою младенцу, отходящему
ко сну.

Тихий ангел встрепенется, улыбнется,
погрозится шалуну,
И шалун ему ответит: — Ты не бойся, ты
не дуйся, я засну. —

Ангел сядет к изголовью, улыбаясь
шалуну,
Сказки тихие расскажет отходящему
ко сну.

Он про звездочки расскажет, он
расскажет про луну,
Про цветы в раю высоком, про
небесную весну.

Жизнь моя, змея моя!
От просторов бытия
К тесным граням жития
Перенес тебя и я,
Воды хладные лия,
Вина сладкие ция,
Нити тонкие вия,
Струны звонкие бия. —
Жизнь моя, моя змей!

24 марта 1907 г.

Все было беспокойно и стройно, как всегда.
И чванились горы, и плакала вода,
И булькал смех девичий в воздушный океан,
И басом объяснялся с мамашей грубиян.
Пищали сто песчинок под дамским башмаком,
И тысячи пылинок врывались в каждый дом.
Трава шептала сонно зеленые слова.
Лягушка уверяла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что где-то есть куку,
И этим нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающий лапки играющих детей,
Побрызгал дождь на шапки гуляющих людей
И красили уж небо в берлинскую лазурь,
Чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь.
И я, как прежде, думал, что я — большой
поэт.
Что миру будет явлен мой незакатный свет.

24 марта 1907 г.

• ЧОРТОВЫ КАЧЕЛИ

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает чорт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется,
Вперед, назад,
Вперед, назад,
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Пятнутой канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И чорт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Вперед, назад,
Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От чорта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
— Попался на качели,
Качайся, чорт с тобой! —

В тени косматой ели
Визжаг, кружась гурьбой:
— Попался на качели,
Качайся, чорт с тобой! —

Я знаю, чорт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозный взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Валечу я выше ели,
И лбом о землю трах!
Качай же, чорт, качели,
Все выше, выше... ах!

14 июня 1907 г.

Заряла, озаряла,
Свирель взбудившая заря.
Желанная зарьяла,
Зарей багряною горя.

Довольно алых пыток.
Храни, заря, избыток сил.
Стремительный напиток
Уж довольно усладил.

Пылающие стынут.
На них с вершин смотрю,
Пока еще не кинут
Покров на жаркую зарю.

Развязанные кольца,
Звеня, уж выпали из рук.
Умолкли колокольца,
И близок сердца темный стус

9 февраля 1908 г.

Вздымалось облако пыли,
Багровое, злое, как я,
Скрывая постылые были,
Такие ж, как сказка моя.

По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
И злую тоску наводили,
Такую же злую, как я.

И шла мне навстречу царица,
Такая же злая, как я,
И с нею безумная жрица,
Такая же злая, как я.

И чары несли они, обе
Такие же злые, как я,
Смеясь в ликующей злобе,
Такой же тоской, как моя,

Пылали безумные лица
Такой же тоской, как моя.
И злая из чар небылица
Вставала, как правда моя.

Змеиной, растоптанной злобе,
Такой же, как злоба моя,

Смеялись безумные обе,
Такие же злые, как я.

В багряности поднятой пыли,
Такой же безумной, как я,
Царица и жрица укрыли
Такую ж тоску, как моя.

По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
Тая безнадежные были,
Такие ж, как сказка моя.

18 ноября 1908 г.

Опять ночная тишина
Лежит в равнине омертвелой.
Обыкновенная луна
Глядит на снег, довольно белый.

Опять неспраздничен и синь
Простор небесного молчанья,
И в глубине почных пустынь
Все те же звездные мерцанья.

И я, как прежде, жалкий раб,
Как из моих собратьев каждый,
Все так же бледен, тих и слаб,
Все тою же томлюсь я жаждой.

Мечтать о дивных чудесах
Хочу, как встарь, — и не мечтаю,
И в равнодушных небесах
Пророчеств новых не читаю.

И, если по почным снегам,
Звези бубенчиками бойко,
Летит знакомая всем нам
По множеству романсов тройка.

То как не улыбнуться мне
Ее навязчивому бреду!
Не сяду в сани при луне,
И никуда я не поеду.

5 февраля 1911 г.

Там, где улицы так гулки,
Тихо барышня идет,
А ее уж в переулке
Близко, близко ангел ждет.

Крыльев ангелу не надо, —
Светлый дух!
От людей не отличаюсь,
Он глядит.

Подал девушке он руку,
И ведет ее туда,
На неведомую реку,
Где нездешняя вода.

У него в очах отрада, —
Светлый дух!
Тихо деве улыбаясь,
Он глядит.

Перед ними блеск чертога,
Восходящего до звезд.
Вместе всходят до порога
На сияющий подъезд.

Тихо спрашивает дева:
— Где же рай? —

Ей привратник отвечает:
— Наверху.

Перед ней открылись двери.
Сердце замерло в груди.
Светлый рай обещан вере.
Что же медлишь ты? Войди.

Звуки дивного напева,
Светлый рай
Перед девою ликует
Наверху.

Поднимается на лифте,
И не рай, квартира тут.
Ах, мечтанья, осчастливьте
● Хоть на двадцать пять минут.

44 марта 1944 г.

Досталась мне странная доля,
Но я на нее не ропщу.
В просторе холодного поля
Чего-нибудь съесть поищу.

Из тиньветой, вязкой канавы
Нацьюсь тепловатой воды.
Поюхаю тонкие травы,
Где старые чахнут следы.

Заслышу ли топот лошадки
На гулком вечернем шоссе,
В испуге бегу без оглядки
И працуюсь в пахучем овсе.

Но знаю я, будет мне праздник,
Душа моя в рай возлетит,
Когда подгулявший проказник
Мне камнем в висок угодит.

Взметнусь я, и взвою, и охну,
На камни свалюся, и там,
Помучившись мало, издохну
И богу я дух мой отдам.

Июль 1911 г.

Коля, Коля, ты за что ж
Разлюбил меня, желанный?
Отчего ты не придешь
Посидеть с твоею Анной?

На меня и не глядишь,
Словно скрыта я в тумане.
Знаю, милый, ты спешишь
На свидание к Татьяне.

Ах, напрасно я люблю,
Погибаю от злодеек.
Я эссенции куплю
Склянку на десять копеек.

Ядом кишки обожгу,
Буду громко выть от боли.
Жить уж больше не могу
Я без миленького Коли.

Но сначала наряжусь,
И с эссенцией в кармане,
На трамвае прокачусь,
И явлюсь к портнихе Тане.

Злости я не утаю,
Уж потешусь я сегодня.

Вам всю правду отпою,
И разлучница, и сводня.

Но не бойтесь, — красоты
Ваших масок не нарушу,
Не плесну я кислоты
Ни на Таню, ни на Грушу.

— Бог с тобой, — скажу в слезах. —
Утешайся, грамотейка!
При цепочке, при часах,
А такая же ведь швейка! —

Говорят, что я проста,
На письме не ставлю точек.
Все ж, мой милый, для креста
Принеси ты мне веночек.

Не кручинься, и, обняв
Талью новой, умной милой,
С ней в кинематограф
Ты иди с моей могилы.

По дороге ей купи
В лавке плитку шоколада,
Мне же молви: — Нюта, спи!
Ничего тебе не надо.

— Ты эссенции взяла
Склянку на десять копеек,
И в мученьях умерла,
Погибая от злодеек. —

1911 г. [?]

Плещут волны перебойно,
Небо синее, солдце знойно,
Алы маки под окном,
Жизнь моя течет спокойно,
И роптать мне непристойно
Ни на что и ни о чем.

Только грустно мне порою,
Отчего ты не со мною,
Полуночная Лилит,
Ты, чей лик над сонной мглою,
Скрытый маскою — луною,
Тихо всходит и скользит.

Из-под маски он, туманный,
Светит мне, печально-странный, —
Но ведь это — все ж не ты!
Ты к стране обетованной,
Долгожданной и желанной,
Унесла мои мечты.

Что ж осталось мне? Работа,
Поцелуй, да забота
О страницах, о вещах.
За спиною — страшный кто-то,
И внизу зияет что-то.
Притаюсь пока в цветах.

Шаг ступлю, ступлю я прямо.

Под цветами ахнет яма,

Глина сухо зашуршит.

То, что было богом храма,

Глухо рухнет в груды хлама, —

Но шепну опять упрямо:

— Где ты, тихая Лялит?

27 июля 1911 г.

Там, внизу, костры горели,
И веселые шли танцы
Вкруг разложенных огней. —
Но без смысла и без цели
Я раскладывал пасьянсы
В келье замкнутой моей.

И боролся я с тоскою,
Сердце, в духе древней Спарты,
Болью темной веселя,
И смеялись надо мною
Все разложенные карты
От туза до короля.

24 июня 1912 г.

Самоуверенный и надменный,
Но на мой взгляд глупый и жалкий,
Поэт в панаме драгоценной
Замахнулся на меня палкой.

Что же ты, глупый, так испугался?
Ведь я же на тебя не лаю.
В жизнь мою никогда не кусался,
Я только песни да поэмы слагаю.

Ты не поймешь, что живу не напрасно,
Что мой подвиг собачий чего-нибудь стоит!
Ведь в полночь никто так печально и
страстно,
Как я, на луну не завоет.

Такою тоскою ты, умник жалкий,
Никогда своих стихов не напоишь.
Тебе бы лишь кричать да махать палкой,
Ты от тоски никогда не завоешь.

Проходи же, стихослагатель грубый,
В меня камней трусливо не швыряя.
В икры твои я не вонжу мои зубы,
Даже и ночью, жестоко срадая.

Проходи, проходи без шума и без ссоры.
Я презираю твой голос нахальный,
Твой смех презрительный, гордые взоры,
И твой воротничок высокий, крахмальный.

Если меня с дороги ты погонишь,
Что ж, убежать от людей не впервые.
Но берегись, — размахавшись палкой,
уронишь
На песок дороги глаза надставные.

19 июля 1912 г.

• Лиловато-розовый закат
Нежно мглист и чист в окне вагона.
Что за радость нынче мне сулят
Стенки тонкие вагона?

Унесусь я, близко ль, далеко ль,
От того, что называю домом,
Но к душе опять все та же боль
Приползет путем знакомым.

В день, когда мне ровно пятьдесят
Лет судьба с насмешкой отсчитала,
На пленительный смотрю закат,
И все то же в сердце жало.

То, о чем сказать не смею сам,
Потому что слово слишком больно,
Пусть заря расскажет небесам.
Ей не трудно и не больно.

17 февраля 1945 г.

По дорожке солнечного сада
Вкруг лужайки медленно иду.
Вьнут маки. Желтая досада
Угнездилась в солнечном саду,

И пчела жужжать уже не рада,
И уж горечь есть в ее меду,
И дрожат незримо капли яда,
Растворясь в лазоревом бреду.

Сердце поет. Ах, счастливый жребий
Мне игра полночная дала!
И от зависти в безумном небе

Стала Венус мраморно-бела,
И, пролив таинственные слезы,
Сходит долу исполнять угрозы.

31 июля 1913 г.
Тойла

Откачнись, тоска моя, чудовище,
Не вались опять ко мне на грудь.
Хоть недолго вдалеке побудь.
Что ты хочешь, тяжкое чудовище?
Отдал я тебе мое сокровище,
Коротаю дни я как-нибудь.
Откачнись, косматое чудовище,
Не вались опять ко мне на грудь.

9 августа 1915 г.

Тойла

Беден дом мой пасмурный
Нажитым добром,
Не блестит алмазами,
Не звенит серебром,
Но зато в нем сладостно
Плакать о былом.

За мое убожество
Милый дар мне дан —
Облекать все горести
В радужный туман
И целить напевами
Боль душевных ран.

Жизнь влача печальную,
Вовсе не тужу.
У окошка вечером
Тихо посижу,
Проходящим девушкам
Сказку расскажу.

Под окном поставил я
Длинную скамью.
Там присядут странницы, —
Песню им спою.
Золото звенящее
В души их пролью.

Только чаще серая
Провлечется пыль,
И в окно раскрытое
На резной костыль
Тихо осыпается, —
Изжитая быль.

4 сентября 1915 г.
Тойла

Только забелели поутру окошки,
Мне метнулись в очи пакостные хари.
На конце тесемки профиль дикой кошки,
Тупоносой, хищной и щекатой твари.

Хвост, копытца, рожки мреют на комодѣ.
Смутен зыбкий очерк молодого чорта.
Нарядился бедный по последней моде,
И цвѣток алеет в сюртуке у борта.

Выхожу из спальни, — три коробки спичек
Прямо в нос мне тычет генерал сердитый,
И за ним мордашки розовых цевичек.
Скоком вверх помчался генерал со свитой.

В сад иду поспешно, — машет мне дубинкой
За колючей елкой старичок лохматый.
Карлик, строя рожки, пробежал тропинкой,
Рыжий, красноносый, весь пропахший мятой.

Все, чего не надо, что с дремучей ночи
Мне метнулось в очи, я гоню аминем.
Завизжали твари хором, что есть мочи:
«Так и быть, до ночи мы тебя покинем!»

6 сентября 1916 г.
Тойла

Ты живешь безумно и погано,
Улица, доступная для всех, —
Грохот пыльный, хохот хулигана,
Пьяной проститутки ржавый смех.

Коношатся мерзкие подруги, —
Злоба, грязь, порочность, нищета.
Как возникнуть может в этом круге
Вдохновенно-светлая мечта?

Но возникнет! Вечно возникает!
Жизнь народа творчеством полна,
И над мутной пеной воздвигает
Красоту всемирную волна.

*48 сентября 1915 г.
СПб.*

Продукты сельского хозяйства
Не хуже поместятся в стих,
Чем описанья негодийства
Нарядных денди и франтих.

Морковки, редьки и селедки
Годны не только для еды.
Нам стих опишет свойства водки,
Вина и сельтерской воды.

Держайте ж, юные поэты,
И вместо древних роз и грез
Вы опишите нам секреты
Всех ваших пакостных желез.

22 сентябрь 1915 г.

ЖУТКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Не болтай о том, что знаешь,
Темных тайн не выдавай.
Если в ссоре угрожаешь,
Я пошлю тебя бай-бай.

Милый мальчик, успокою
Болтовню твою,
И уста тебе закрою.
Баюшки-баю.

Чем и как живет воровка,
Знает мальчик, — ну, так что ж!
У воровки есть веревка,
У друзей воровки — нож.
Мы, воровки, не тиранки:
Крови не пролью,
В трипки вымакаю ранки.
Баюшки-баю.

Между мальчиками ссора
Жуткой кончится игрой.
Покричи, дитя, и скоро
Глазки зоркие закрой.
Если хочешь быть нескромным,
Ангелам в раю

Расскажи о тайнах темных.
Баюшки-баю.

Освещу ковер и свечкой.
Посмотри, как он хорош.
В нем завернутый, за печкой.
Милый мальчик, ты уснешь.
Ты во сне сыграешь в прятки,
Я ж тебе спою,
Все твои собрав тетрадки:
Баюшки-баю!

Нет игры без перепуга.
Чтоб мне ночью не дрожать,
Ляжет добрая подруга
Здесь у печки на кровать,
Невзначай ногою тронет
Колыбель твою, —
Милый мальчик не застонет.
Баюшки-баю.

Из окошка галерейки
Виден зев пещеры той,
Над которою еврейки
Скоро все поднимут вой.
Что нам, мальчик, до евреек!
Я тебе спою
Слаще певчих канареек:
Баюшки-баю!

Убаюкан тихой песней,
Крепко, мальчик, ты заснешь.
Сказка старая воскреснет,
Вновь на правду встанет ложь.

И поверят люди сказке,
Примут ложь мою.
Спи же, спи, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

12 октября 1915 г.
Вагон Спб. — Москва

ПАРИЖСКИЕ ПЕСНИ

I

Раб французский иль германский
Все несет такой же гнет,
Как в былые дни спартанский,
Плетью движимый, илот,

И опять его подруга,
Как раба былых времен.
Бьется в петлях, сжатых туго,
Для утех рантьерских жен.

Чтоб в театр национальный
Приезжали, в Орéга,
Воры бандою нахальной,
Коротая вечера, —

Чтоб огни иллюминаций
Звали в каждый ресторан
Сволочь пьяную всех наций
И грабителей всех стран, —

Ты во дни святых восстаний
Торжество победы знал,
И, у степ надменных зданий
Умирая, ликовал.

Годы шли, — теперь взгляни же
И пойми хотя на миг,
Кто в Берлине и в Париже
Торжество свое воздвиг.

II

Здесь и там вскипают речи,
Смех вскипает здесь и там.
Матовы нагие плечи
Упоенных жизнью дам.

Сколько света, блеска, аромата!
Но кому же этот фимиам?
Это храм похмелья и разврата,
Храм бесстыдных и продажных дам.

Вот летит за парой пара,
В жестах отменяя стыд,
И румынская гитара
Утомительно брэнчит.

Скалят зубы пакостные фрайты,
Тешит их поганая мечта, —
Но придут и мы музыканты,
И пойдет уж музыка не та.

И возникнет в дни отмщенья,
В окровавленные дни,
Злая радость разрушенья,
Облеченная в огни.

Все свои тогда свершит угрозы
Тот, который нынче мал и слаб,
И кровавые рассыплет розы
Здесь, на эти камни, буйный раб.

25 мая 1914 г.

Норвич

ПЬЯНЫЙ ПОЭТ

Мне так и надо жить, безумно и вульгарно,
Дни коротать в труде и ночи в кабаке,
Встречать немой рассвет тоскливо и угарно,
И сочинять стихи о смерти, о тоске.

Мне так и надо жить. Мучительную долю
Гореть в страстном огне и выть на колесе
Я выбрал сам. Убил я царственную волю,
В отравках утопил я все отрады, все.

7 июля 1914 г.
Тойда

МАРГРЕТА И ЛЕБЕРЕХТ

Шутливая песенка

С милой, ясной,
Девой красной,
С этой бойкою Маргретой,
Знойным летом разогретой,
Песни пел в лесочке кнехт,
Разудалый Леберехт.
Звонко пели,
Как свирели.
Леберехт твердил Маргрете:
— Краше девки нету в свете!
Но, Маргрета, вот что знай:
Ты с другими не гуляй! —
Ах, Маргрета
В это ж лето,
Не нарочно, так, случайно,
С подмастерьем Куртом тайно
Обменяла поцелуй
На берегу веселых струй.
Но от кнехта
Леберехта
Не укрылася Маргрета, —
Леберехт все видел это.
Только лишь слились уста,

Леберехт из-за куста.

Курт умчался,

Кнехт остался.

Слов не тратил на угрозы.

Кнехту смех, а Грете слезы.

Но уж с той поры она

Кнехту так была верна!

Скоро с кнехтом

Леберехтом

Под венец пошла Маргрета,

Точно барышня одета, —

И уехал Леберехт

Вместе с Гретою в Утрехт.

19 июля 1911 г.

• ГАДАНИЕ

Какой ты будешь, Новый год?
Что нам несешь ты? радость? горе?
Идешь, и тьма в суровом взоре,
Но что за тьмою? пламень? лед?

Кто разгадает предвещанья,
Что так невнятно шепчешь ты
У темной роковой черты
В ответ на робкие гаданья?

Но как в грядущем ни темно,
И как ни мглисты все дороги,
Мне на таинственном пороге
Одно предвестие дано:

Лишь только сердце бьется верно,
А все земные бури — дым;
Все будет так, как мы хотим,
Лишь стоит захотеть безмерно.

30 октября 1914 г.

Есть вдохновенье и любовь
И в этой долго-дливой муке.
Люби трудящиеся руки
И проливаемую кровь.

Из пламени живого слитый,
Мы храм торжественный творим,
И расточается, как дым,
Чертог коснеющего быта.

14 апреля 1945 г.

Год испытаний, год суровый!
Тебя душа благословит, —
Заря гражданственности новой
Над нами в небесах горит.

Моя Россия верит верно,
Что наш чертог непоколебим,
Что мужество солдат безмерно,
И что врага мы победим.

Моя Россия твердо знает,
Своею верою горда,
Каким позором угрожает
Ей ненавистная орда,

И, все приняв ее стремленье,
Всю мощь орудий и машин,
Не упадет в изнеможеньи
В пыли растоптанных долин.

Пылай, заря, восторгом новым,
И перед нами освети
В дыму губительном, багровом
К победе верные пути!

Как ни свирепствует судьбина,
Как вражья сила ни гнетет,

Свободный подвиг гражданина
Тебя, Россия, вознесет.

Год испытаний, год суровый!
Тебя душа благословит, —
Заря гражданственности новой
Над нами в небесах горит.

11 июля 1915 г.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАБОТЫ

Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторах нивы,
И пыль под колесом, и скрип ворот,
И благостные кооперативы.

Не говори: — Копейки да рубли!
Завязнуть в них душой — такая
скука! —

Во мгле морей прекрасны корабли,
Но создает их строгая наука.

Молитвы и мечты живой сосуд,
Господень храм, чертог высокий отчий,
Его внимательно расчислил зодчий,
Его сложил объединенный труд.

А что за песни спят еще в народе!
Какие силы нищета гнетет!
Не презирай хозяйственных забот, —
Они ведут к восторгу и к свободе.

11 июля 1915 г.

НА ВОЛГЕ

Ильву вдоль волжских берегов.
Гляжу в мечтаньях простодушных
На бронзу яркую лесов,
Осенней прихоти послушных.

И тихо шепчет мне мечта:
— Кончая век уже не долгий,
Приди в родимые места,
И догорай над милой Волгой. —

И улыбаюсь я, поэт,
Мечтам сложивший много песен,
Поэт, которому весь свет
Для песнопения стал тесен.

Скиталец вечный, ныне здесь,
А завтра там, опять бездомный,
Найду ли кров себе и весь,
Где положу мой посох скромный?

21 сентября 1915 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Нужны врачи и фельдшера, —
Так объявляют все газеты, —
Нужны портные-мастера.
А вот, кому нужны поэты?

Где объявление найдешь:
«Поэта приглашаем на дом
Затем, что стало невтерпёж
Обычным объясняться складом,

И мы хотим красивых слов,
И души в плен отдать готовы!»
Купить имение готов.
Нужны молочные коровы.

23 февраля 1916 г.

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

Прошлый раз тебя я видел, —
Ты был горд,
Кто ж теперь тебя обидел,
Бог иль чорт?

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

— Ах, куда, куда ни скочишь,
Всюду ложь.
Поневоле, хоть не хочешь,
Заревешь.

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

Что тебе чужие бредни,
Милый мой,
Ведь и сам ты не последний,
Крепче стой!

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

— Знаю, надо бы крепиться,
Да устал,
И придется покориться,
Кончен бал!

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

Ну, так что же! Вот и нянька
Для потех.
Ты на рот старухи глянц-ка, —
Что за смех!

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

— Этой старой я не знаю,
Не хочу,
Но ее не отгоняю,
И молчу.

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

5 сентября 1916 г.
Княжичко

Душа моя, благослови
И упоительную нежность,
И раскаленную мятежность,
И дерзновения любви.

К чему тебя влечет наш гений,
Твори и в самый темный день,
Пронзая жуть, и темь, и тень
Сияньем светлых вдохновений.

Времен иных не ожидай. —
Иных времен и я не стою, —
И легкокрылою мечтою
Уродства жизни побеждай.

30 ноября 1946 г.

Народ торжественно хоронит
Ему отдавших жизнь и кровь,
И снова сердце стонет,
И слезы льются вновь.

Но эти слезы сердцу милы,
Как мед гиметских чистых сот.
Над тишиной могилы
Свобода расцветет.

22 марта 1947 г.

• ДЕВОЧКА ЛУНА

Ты хочешь, девочка луна,
Скользящая в просторах неба,
Отведать горного вина
И нашего земного хлеба.

Одежды золотая сеть
Пожаром розовым одела
Так непривыкшее гореть
Твое медлительное тело.

Вкусив таинственную смесь
Того, что в непонятном споре
Разделено навеки здесь,
Поешь ты в благодатном хоре.

Твой голос внятен только мне,
И, опустив глаза, я внемлю,
Как ты ласкаешь в тишине
Мечтательною песней землю.

12 августа 1917 г.

РАСТОЧИТЕЛЬ

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, беззащитен и наг.

И прошу я у милого бога,
Как никто никогда не просил:
— Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!

Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст,
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!

И еще вожделенней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

У тебя, милосердного бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!

1918 г.

Я испытал превратности судеб
И видел много на земном просторе.
Трудом я добывал свой хлеб,
И весел был, и мыкал горе.

На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
И пусть тающий во мгле
Меня стремительно повержет.

Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, —
Мой труд. Иных земных наград
Не жду за здешний дикий холод.

Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Петр, гремя ключами, спросит:
— Что сделал ты? — меня он вниз
Железным посохом не сбросит.

Скажу: — Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны,
И вообще мои грехи,
Апостол Петр, многообразны.

Но я — поэт. — И улыбнется он,
И разорвет грехов рукописанье,

И смело в рай войду, прощен,
Внимать святое ликованье.

Не затеряется и голос мой
В хваленых ангельских, горящих ясно.
Земля была моей тюрьмой,
Но здесь я прожил не напрасно.

Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейшим серафимам,
В благоуханье райских трав
Вольется благовонным дымом.

3 апреля 1919 г.

БАЛЛАДА О ВЫСОКОМ ДОМЕ

Дух строителя немеет,
Обессиленный в подвале.
Выше ветер чище веет,
Выше, лучше видны дали,
Выше, ближе к небесам.
Воплощенье верной чести,
Возводи строенье выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Все открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Вышина нужна орлам.

Лист, ногою смятый, тлеет,
На песке томясь в печали.
Крот на свет взглянуть не смеет,
Звезды не ему мерцали.
Ты входи по ступеням,
Слушай радостные вести,
Притаившись в каждой нише,
И к ликующей невесте
Приникай все ближе, тише,
Равнодушный к голосам
Петуха, коня и мыши.
Высота нужна орлам.

Сердце к солнцу тяготест,
Шумы жизни замолчали
Там, где небо пламенеет,
Туч расторгнувши вуали.
Посмотри в долину, — там
Флюгер маленький из жести,
К стенкам клеются афиши,
Злость припуталась к лести,
Люди серые, как мыши,
Что-то тащат по дворам.
Восходи же выше, выше,
Высота нужна орлам.

П о с л а н и е

Поднимай, строитель, крыши
Выше, выше к облакам.
Пусть спуют во мраке мыши,
Высота нужна орлам.

14 июля 1920 г.

В лес пришла пастушка,
Говорит кукушке:
«Погадай, кукушка,
Сколько лет пастушке
Суждено прожить».

Кукушка кукует: раз, два, три, четыре, пять,
шесть, —
Кукует, кукует, так долго, что Лизе не
счесть.

И, смеясь, пастушка
Говорит с кукушкой:
«Что же ты, кукушка?
Неужель старушкой
Весело мне быть!»

Кукушка кукует: раз, два, три, четыре, пять,
шесть, —
Кукует, кукует, так долго, что Лизе не счесть.

Вздумала пастушка
Так спросить кукушку:
«Погадай, кукушка,
Сколько лет пастушку
Будет друг любить».

Кукушка кукукнула раз, и молчит, и молчит,
А Лиза смеется: «Так что же, хоть год!» —
говорит.

20 апреля 1931 г.

Ах, лягушки по дорожке
Скачут, вытянувши ножки.
Как пастушке с ними быть?
Как бежать под влажной мглою,
Чтобы голою ногою
На лягушку не ступить?

Хоть лягушки ей не жалко, —
Ведь лягушка — не фиалка, —
Но, услышав скользкий хруст
И упав неосторожно,
Расцарапать руки можно
О песок или о куст.

Сердце милую торопит,
И в мечтах боязни топит,
И вперед ее влечет.
Пусть лягушки по дорожке
Скачут, вытянувши ножки, —
Милый друг у речки ждет.

25 апреля 1921 г. •

Погляди на незабудки,
Милый друг, и не забудь
Нежной песни, звучной дудки,
Вздохов, нам теснивших грудь.

Не забудь, как безмятежно
Улыбался нам Апрель,
Как зарей зашла нежно
Первый раз твоя свирель.

Не забудь о сказках новых,
Что нашептывала нам Май,
И от уст моих вишневых
Алых уст не отнимай.

И, когда на дно оврага
Убежишь от зноя ты,
Где накопленная влага
Поит травы и цветы,

Там зашепчут незабудки:
— Не забудь ее любви! —
Ты тростник для новой дудки.
Подзывать меня, сорви.

27 апреля 1921 г.

Душа опять звучит стихами.
Пришла весна, и в сердце вновь,
Чаруя радостными снами,
Воскресла милая любовь,

Устал, устал я жить в затворе,
То ненавидя, то скорбя.
Хочу забыть про зло и горе,
И повторять: — Люблю тебя! —

Пойми, пойми, — пока мы живы,
Пока не оскудела кровь,
Все обещания не лживы,
И не обманет нас любовь.

28 апреля 1921 г.

Бога милого, крылатого
Осторожнее зови.
Бойся пламени закланого
Сожигающей любви.

А сойдет путем негяданым,
В разгораньи ль ясных зорь,
Или в томном дыме ладашном, —
Покорайся и не спорь.

Прячет лик он под личинами,
Надевает шелк на бронь,
И крылами лебедиными
Кроет острых крыл огонь.

Не дивися, не выведывай,
Из каких пришел он стран,
И не всматривайся в бредовый,
Обольстительный туман.

Горе Эльзам, чутко внимающим
Про таинственный Грааль, —
В лодке с лебедем недремлющим
Лоэнгрин умчится вдаль.

Темной тайны не разгадывай,
Не срывай его личин.

Силой боговой иль адовой,
Все равно, он — властелин.

Пронесет тебя над бездною,
Проведет сквозь топь болот,
Цепь стальную, дверь железную
Алой розой рассечет.

Упадет с ноги сандалия,
Скажет змею: — Не ужаль! —
Из цианистого калия
Сладкий сделает миндаль.

Если скажет: — Все я сделаю! —
Не проси лишь об одном:
Зевсе, представши пред Семелою,
Спалил ее огнем.

Беспокровною Дианою
Любовался Актеон,
Но, оленем став, нежданною
Был стрелою поражен.

Пред законами суровыми
Никуда не убежим.
Бог приходит под покровами,
Лик его непостижим.

6 мая 1921 г.

Нет словам переговоров,
Нет словам недоговора.
Крепки, лепки навсегда,
Приговоры-заклинанья,
Крепче крепкого страданья,
Лепче страха и стыда.

Ты измерь, и будет мерно,
Ты поверь, и будет верно,
И окрепнешь, и пойдешь
В путь истомный, в путь бесследный,
В путь, от века заповедный.
Все, что ищешь, там найдешь.

Слово крепко, слово свято,
Только знай, что нет возврата
С заповедного пути.
Раз пошел, не возвращайся,
С тем, что любо, распрощайся,
До конца тебе итти.

Заклинаньем обреченный,
Вещей деве обрученный,
Вдался слову ты в полон.
Не жалея о том, что было
В прежней жизни сердцу мило,
Что истаяло, как сон.

Ты просил себе сокровищ
У безжалостных чудовищ,
Заклинающих слова,
И в минуту роковую
Взяли плату дорогую,
Взяли все, чем жизнь жива.

Не жалея о ласках милой.
Ты владеешь высшей силой,
Высшей властью облечен.
Что живым сердцам отрада,
Сердцу мертвому не надо.
Плачь, не плачь, ты обречен.

19 января 1922 г.

Я вышел из потайной двери,
И нет возврата в милый рай.
Изнемогай, но в ясной вере,
Душа, томительно сгорай.

В кипенье темного потока,
Бегущего с горы крутой,
Рукою беспощадной Рока
Заброшен ключ мой золотой.

У первозданных стен Эдема
В пустыне безнадежных дней
Что мне осталось? Диадема
Из опаляющих огней,

И мантия пророка, — тяжело
На плечи давит мне она, —
И скрытая в одежде фляжка
С вином, где дремлет тишина,

И что еще? воспоминанья
О днях любви, когда и я
Испытывал очарованья
И освященность бытия.

И вот один у тайной двери,
Как пригвожденный раб, стою,
Безумству моему и вере
Смятенный дух мой предаю.

19 февраля 1922 г.

Она придет ко мне, — я жду, —
И станет пред моей постелью.
Легко мне будет, как в бреду,
Как под внезапную метелью.

Она к устам моим прильнет,
И шопот я услышу нежный:
— Пойдем. — И тихо поведет
К стране желанной, безмятежной.

За Нею я пойду, и мне
Вдруг весело и страшно станет,
Как в предзакатной тишине,
Когда мечта глаза туманит.

Неведомые здесь огни,
Цветы, неведомые людям, —
И мы томительные дни
В стране бессмертия забудем

9 июля 1922 г.

Мой верный вождь, мой друг и госпожа,
Ты различать пути во тьме умела.
Хотя б со страхом, женственно дрожа,
Ты подвиг жизни совершала смело.

Припоминать ли мне, как в темный час
Ты погибала страшно и жестоко,
И я в неведеньи Тебя не спас,
Я, одаренный веденьем пророка?

Об этом думать можно лишь в бреду,
Чтоб умереть, не пережив мгновенья.
Не думаю, не вспоминаю, жду
Последнего, отрадного явленья.

19 июля 1922 г.

• ДОН КИХОТ

Бессмертною любовью любит
И не разлюбит только тот,
Кто страстью радости не губит,
Кто к звездам сердце вознесет,
Кто до могилы пламенеет, —
Здесь на земле любить умеет
Один безумец Дон-Кихот.

Он видит грубую Альдонсу,
Но что ему звериный пот,
Который к благостному солнцу
Труды земные вознесет!
Пылая пламенем безмерным,
Один он любит сердцем верным,
Безумец бедный, Дон-Кихот.

Преображает в Дульцинею
Он деву будничных работ,
И, преклоняясь перед нею,
Ей гимны сладкие поет.
Что юный жар любви мгновенной
Перед твоею неизменной
Любовью, старый Дон-Кихот!

26 октября 1920 г.

Щорой томится Дульцинея,
От темной ревности бледна,
Но кто ей скажет: — Дульцинея,
Ты Дон-Кихоту не верна! —

Изменит грубая Альдонса,
Любой приманкою взята,
Но кто же скажет ей: — Альдонса,
Для Дон-Кихота ты свята! —

Душою прилепляясь к многим,
Одну прославил Дон-Кихот.
Даруя милости убогим,
Не изменяет Дон-Кихот.

28 апреля 1921 г.

Кругом насмешливые лица, —
Сражен безумный Дон-Кихот.
Но знайте все, что есть светлица,
Где Дон-Кихота Дама ждет.

Рассечен шлем, копье сломалось,
И отнят щит, и порван бант,
Забыв про голод и усталость,
Лежит убитый Росинант.

В изнеможении, в истоме
Пешком плетется Дон-Кихот.
Он знает, что в хрустальном доме
Царица Дон-Кихота ждет.

2 мая 1921 г.

Дон-Кихот путей не выбирает,
Росинант дорогу сам найдет.
Доблестного враг везде встречает,
С ним везде сразится Дон-Кихот.

Славный круг насмешек, заблуждений,
Злых обманов, скорбных неудач,
Превращений, битв и поражений
Пробежит славнейшая из кляч.

Сквозь скрежещущий и ржавый грохот
Колесницы пламенного дня,
Сквозь проклятья, свист, глумленья, хохот,
Меч утратив, щит, копьё, коня,

Добредет к ограде Дульцинеса
Дон-Кихот. Открыты ворота,
Розами усеяны аллеи,
Срезанными с каждого куста.

подавив непрошеные слезы,
Спросит Дон-Кихот пажа: — Скажи,
Для чего загублены все розы? —
— Весть пришла в чертоги госпожи,

Что стрелой отравленной злодея
Насмерть ранен верный Дон-Кихот.
Госпожа сказала: «Дульцинея
Дон-Кихота не переживет»,

И, оплаканная горько нами,
Госпожа вкусила вечный сон,
И сейчас над этими цветами
Будет гроб ее перенесен.

И пойдет за гробом бывший рыцарь,
Что ему глумленья и хула!
Дульцинея, светлая царица
Радостного рая, умерла!

11 июля 1922 г.

Не слышу слов, но мне понятна
Твоя пророческая речь.
Свершившееся — невозвратно,
И ничего не уберечь.

Но кто достигнет до предела,
Здесь ничего не сохранив,
Увидит, что заря зардела,
Что день минувший вечно жив.

Душа, как птица, мчится мимо
Ночей и дней, вперед всегда,
Но пребывает невредимо
Времен нетленная череда.

Напрасно бледная Угроза
Вооружилась косою, —
Там расцветает та же роза
Под тою ж свежею росой.

26 апреля (9 мая) 1925 г.

Ах, этот вечный изумруд
Всегда в стихах зеленых трав!
Зеркальный, вечно тихий пруд
В кольце лирических оправ!

И небо, словно бирюза,
И вечное дыханье роз,
И эта вечная гроза
С докучной рифмою угроз!

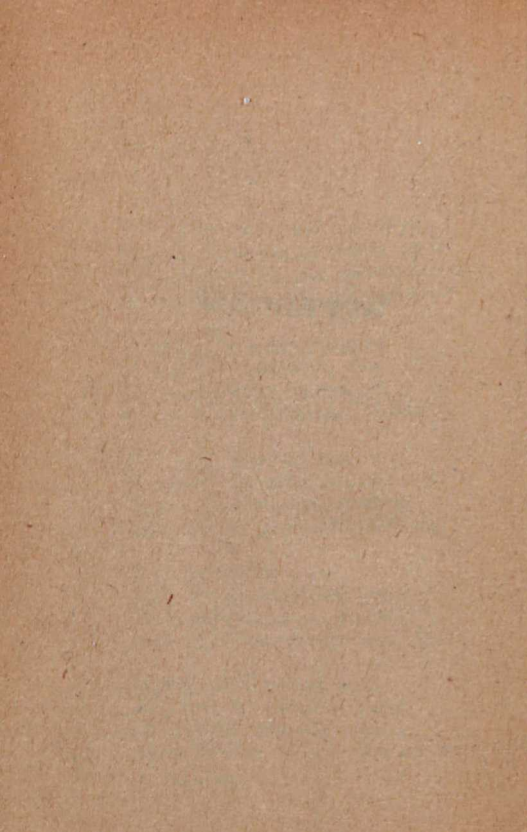
Но если сердце пополам
Разрежет острый божий меч,
Вдруг оживает этот хлам,
Слагаясь в творческую речь,

И улыбаются уста
Шептанию вешнему берез,
И снова чаша не пуста,
Приемля ключ горючих слез.

Душа поет и говорит,
И жить, и умереть готов,
И сказка вешняя горит
Над вечной мукой старых слов.

7 июля 1925 г.

ПЕРЕВОДЫ

СОНЕТ

Дитя, ты так тонка, что кажешься мечтой.
Тихонько говори, не расточай дыханья!
Твоей незримой драмы близко окончанье,
Давно уж точит смерть тайком твой стан
больной.

Не будем плакать! Гость обители земной,
Ты улетишь домой, неся с собою знанье
Свойств человека лучших, чистых:
состраданья
И непорочности, и нежности святой.

Исчезнешь ты, как исчезает запах розы.
Безвестными тебе останутся угрозы
Семейных горьких бед и хмурой жизни стыд.

Не оскорбим тебя печалью нашей мрачной,
Но всяк, кто знал тебя, навеки сохранит
Воспоминанье твоя легкой и прозрачной.

28 июля 1891 г.

• ПЕСНЯ С САМОЙ ВЫСОКОЙ БАШНИ

Юность беспечная,
Волю сломившая,
Нежность сердечная,
Жизнь погубившая, —
Срок приближается,
Сердце пленяется!

Брось все старания,
Будь в отдалении,
Без обещания,
Без утешения,
Что задержало бы
Гордые жалобы.

К вдовьим стенаниям
В душу низводится
Облик с сиянием
Твой, богородица:
Гимны ль такие
Деве Марии?

Эти томления
Разве забылися?
Страхи, мучения

На небо скрылися,
Жаждой истомною
Кровь стала темною.

Так забывается
Поросль кустарников,
Там, где сливается
Запах нектарников
С диким гудением
Мушек над тлением.

Юность беспечная,
Волю сломившая,
Нежность сердечная,
Жизнь погубившая, —
Срок приближается,
Сердце пленяется!

[1890—1891 г.]

Алма ли она? На голубом рассвете
Исчезнет ли она, как мертвый цвет в
расцвете?

Пред этой шириной, в безмерном
процветаньи
Роскошных городов, в их зыблемом дыханьи!

Избыток красоты? но это только плата
За дочку рыбака, за песенку пирата,

И чтобы поздние могли поверить маски,
Что в море чистом есть торжественные ласки!

7 марта 1908 г.

Башка полевая
Мне дороже всех цветов;
Сирота простая
Разожгла во мне любовь.

За цветком любимым
В степь далеко ухожу,
И в селе родимом
Сиротинку нахожу.

Для свирели служит
Ветка гибкой ивы мне.
Ива плачет, тужит
На кладбище в тишине.

С этой самой ивы,
Что стоит среди могил, —
И свирель: не диво,
Если звук ее уныл.

21 октября 1884 г.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

I

По тебе, мой друг, тоскую, — да и как не
тосковать!
Кто тебя ко мне проводит, душу спросит —
рад отдать.
Много муки, много горя мне пришлось
испытать.
Что мне в долгой жизни, если без тебя
мне вековать!

II

Пожалей меня, голубка, — верный раб твой
одинок.
Горьким плачем изойду ль? неужель таков
мой рок?
У тебя в саду есть розы, — мне, рабу,
пришли венки, —
Поцелую и надену, чтобы слез прервался
ток.

III

Как красиво расцвели все кусты в бахче
моей!

Все цветы похитил кто-то. — льются слезы
из очей.
Я мечусь как перепелка, потерявшая детей.
Сеть свою скорей раскинь, чтоб запутался
я в ней.

IV

Сердце здесь пред жарким сердцем, как
осенний лист, дрожит.
Слезы льются, словно щеки мне весенний
дождь кропит.
Только нежность белой груди исцеленье мне
сулит!
С грудью грудь сомкнем, — но кто, кто,
скажи, к тебе спешит?

V

Ты сказала: я — твоя! Неужели это — ложь?
Ты закаялась любить! Иль иного ты
найдешь?
Мне такое будет горе, что к иному ты
прильнешь,
И к следам моих лобзаний ты уста его
прижмешь!

VI

— Высоко ты ходишь, — милой передай
привет, луна! —
— Передам привет я милой, но не знаю.
где она. —

ТОСКА

Меня не веселит ничто в тебе, Природа:
Ни хлебные поля, ни отзвук золотой
Пастушеских рогов, ни утренней порой
Заря, ни красота печального захода.

Смешно Искусство мне, и Человек, и ода,
И песенка, и храм, и башни вековой
Стремленье гордое в небесный свод пустой,
Что мне добро и зло, и рабство, и свобода!

Не верю в бога я, не обольщаюсь вновь
Наукою, а древняя ирония, Любовь,
Давно бегу ее в презренье молчаливом.

Устал я жить, и смерть меня страшит. Как
челн,
Забывтый, амблемый приливом и отливом.
Моя душа скользит по воле бурных волн.

26 июля 1895 г.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

О струнный звон,
Осенний стон,
Томный, /скучный.
В душе больной
Наив ночной
Однозвучный.

Туманный сон
Былых времен
Ночь хоронит.
Томлюсь в слезах,
О ясных днях
Память стонет.

Душой с тобой,
О ветер злой,
Я, усталый.
Мои мечты
Уносишь ты,
Лист увядый.

ФАВН

Плешивый фавн из темной глины,
Плохой конец благих минут
Вещая нам, среди куртины
Смеется дерзко, старый плут.

Над тем, что быстрые години
Нас к этим праздникам ведут,
Где так грохочут тамбурины,
Но где кручины стерегут.

4 августа 1895 г.

Все прелести и все извивы
Ее шестнадцатой весны
По-детски простодушно живы
И нежностью упоены.

Очами райского мерцанья
Она умеет, хоть о том
Не думает, зажечь мечтанья
О поцелуе неземном,

И этой маленькой рукою,
Где и колибри негде лечь,
Умеет сердце взять без бою
И в безнадежный плен увлечь.

Душе высокой в помощь разум
Приходит, чтобы нас пленить
Умом и чистотою разом:
Что скажет, так тому и быть!

И если жалости не будит
Безумство в ней, а веселит,
То музой благосклонной будет
Она, и дружбой наградит,

И даже, может быть, — кто знает! —
Любовью смелого певца,
Что под окном ее блуждает
И ждет достойного венца

Для песни, милой иль нескромной!
Где ни один неверный звук
Не затемняет страсти томной
И сладостных любовных мук.

В слезах моя душа,
Дождем заплакан город
О чем, тоской дыша,
Грустит моя душа?

О струи дождевые
По кровлям, по земле!
В минуты, сердцу злые,
О песни дождевые!

Причины никакой,
Но сердцу все противно.
К чему же траур мой?
Измены никакой.

Нет горше этой муки, —
Не знаешь, почему,
Без счастья, без разлуки,
Так много в сердце муки?

В полях кругом
В тоске безбрежной
Снег ненадежный
Блестит песком.

Как пыль металла,
Лазурь тускла.
Луна блуждала
И умерла.

Дрожат, как спьяна,
В дубраве той
Дубы толпой
Среди тумана.

Как пыль металла,
Лазурь тускла.
Луна блуждала
И умерла.

О ворон жадный
И тощий волк,
Что ждет ваш полк
Зимой нещадной?

В полях кругом
В тоске безбрежной
Снег ненадежный
Блестит песком.

СПЛИН

А леют слишком эти розы,
И эти хмели так черны.

О дорогая, мне угрозы
В твоих движениях видны.

Прозрачность волн, и воздух сладкий,
И слишком нежная лазурь.

Мне страшно ждать за лаской краткой
Раздуки и жестоких бурь.

И остролист, как лоск эмали,
И букса слишком яркий куст,

И нивы беспредельной дали, —
Все скучно, кроме ваших уст.

КАЛЕЙДОСКОП

В том городе в мечтательной земле
Настанет вновь, как встарь жилось кому-то,
И страшная, и горькая минута.
О, это солнце, скрытое во мгле!

О, этот крик в морях! О, вопль дубравный!
Как в старину, проснется не спеша,
Перерожденья кончивши, душа,
И мир найдет, былому миру равный,

В той улице средь города мечты,
Где в ночь орган сыграет плясовую,
Где будет музыка напропалую,
Где замурлычат в лавочках коты.

Все неизбежно будет, как могила:
Вдоль щек смиренные потоки слез,
Рыданья смеха в трескотне колес,
И зовы: — Смерть хоть ты б освободила!

Букет увялый, древний перепев!
Народный бал опять назойлив станет.
Вдова повязкою свой лоб затянет,
Да и пойдет в среде продажных дев,

Что шлятся с толною развращенной
Мальчишек и поганых стариков,
И ротозеи треском бураков
Потешатся на площади зловонной.

И будет так, как будто кто заснул,
Едва проснувшись, — и опять он в этом
Волшебном мире, убаюкан летом
Под шум травы и пчел волнистый гуд.

Я не имею
Копейки медной за душой,
Но я владею,
Моя проказница, тобой.
С игрой и с пляской
Творишь ты радостный обряд.
Какою лаской
Твои слова всегда горят!

Внимаю ль речи
Твоей живой, ловлю ль твой взгляд,
Нагие ль плечи
Твои целую, — я богат.
На отдых нежный
Склонился я, — и вмиг весь был
На белоснежной
Твоей груди восстановил.

Конечно, мало,
Увы! любим тобою я:
Ты изменяла
Мне часто, милая моя.
Но что за дело
Мне до измен твоих, когда
Ты завладела
Моей душою навсегда!

ПРОСТЫЕ ФРЕСКИ

В дали зелено-красной
Долины и холмы
Под дымкой полутьмы
Бегут чредой неясной.

На золоте пучин
Все больше красных полос.
В деревьях без вершин
Чуть слышен птичий голос.

Приметы сглажены слегка
Поры осенней, скучной,
И песней однозвучной
Рассеяна тоска.

Второй вариант

В зелено-алой дали
Долины тонут и холмы,
И лампы с морем зыбкой тьмы
Свой слабый свет смешали.

Сквозят из тканей золотых
Кровавые пучины,

И голос слабой птицы тих
В деревьях без вершины,

И осень прячется слегка
С медлительностью скучной,
И грезит томная тоска
Под шопот однозвучный.

НАД КРОВЛЕЙ НЕБО ЛИШЬ ОДНО

Небо там над кровлей
Ясное синеет.
Дерево над кровлей
Гордой сенью веет.

С неба в окна льется
Тихий звон и дальний.
Песня птички льется
С дерева печально.

Боже мой! те звуки
Жизнь родит простая.
Кротко ропщут звуки,
Город оглашая:

— Что с собой ты сделал?
Ты богат слезами.
Что ты, бедный, сделал
С юными годами? —

Второй вариант
Синевя небес над кровлей
Ясная такая!

Тополь высится над кровлей,
Ветви наклоняя.

Из лазури этой в окна
Тихий звон несется.
Грустно с веток этих в окна
Песня птички льется.

Боже мой! я звуки слышу
Жизни мирной, скромной.
Город шепчет мне, — я слышу
Этот ропот томный:

— Что ты сделал? что ты сделал?
Исходя слезами,
О, подумай, что ты сделал
С юными годами?

Хотя лежачего не бьют,
Да полежать-то не дают
Ленивому... Тебя же, сука,
И сами мы и наши внуки,
Всею миром люди проклянут...
Не проклянут, а только плюнут
На тех откормленных щенят,
Что ты щенила. Мука, мука!
О скорбь моя, моя печаль!
Пройдешь ли ты когда? Иль сами
Царя с министрами-рабами
Тебя затравят и убьют?
Нет, не затравят! Люди тихо,
Без всякого лихого лиха,
Царя на плаху поведут!¹

20 октября 1860 г.

С.-Петербург

¹ Стихотворение вызвано смертью вдовы Николая I.

И здесь и всюду все погано!
Душа-бедняга встала рано,
Напряла мало и легла
Сном позабыться в неудаче.
А воля душу стерегла,
Твердит: «Проснись, бедняга, с плачем!
Не будет солнца. Тьму и ночь
Не в силах правда превозмочь!»
Дурная воля подшутила
Над бедной: солнце все ж идет
И за собою день ведет.
И уж в своей неправой силе
Везде встревожены цари...
И будет правда для земли!..

30 октября 1860 г.
С.-Петербург

О люди бедные земные!
Зачем же нужны вам цари?
Зачем же нужны вам исари?
Ведь люди вы, а не борзые!

То снег, то брызги дождевые,
Скользишь, дрожишь. В ночи Нева
Куда-то тихо пронесла
Под мостом тоненькую льдинку.
Иду в такую-то вот ночь,
Не в силах капля превозмочь.
Смотрю: в лохмотьях все, девицы
Идут, как будто бы ягницы,
А дед, несчастный инвалид,
Плетется сзади, ковыляет,
Как в загородку загоняет
Чужих овец... Да где же стыд?
И где же правда? Горе! горе!
И ненакормленных и голых
Девчонок, как овечье стадо,
Гонят («последний долг отдать»)¹.

¹ Произведение примыкает к стихотворению «Хотя лежачего не бьют». Шевченко рассказывает о похоронах вдовы Николая I, когда в процессию вывели детей из воспитательных и благотворительных учреждений, находившихся под покровительством императрицы.

Не ж матерям ли их гонят!
Что ж, будет суд? Суда ль не надо
Царям, правителям земли?
Иль будет правда меж людьми?..
Должна притти! ведь солнце встанет,
Сожжет всю скверну и тиранов.

3 ноября 1860 г.

С.-Петербург

Иду однажды я в ночи
По-над Невою. Идучи,
Так рассуждаю сам с собою:
«Кабы, я думаю, кабы
Не пресмыкались рабы,
То не стояло б над Невою
Тех опоганенных палат.¹
Была б сестра, и был бы брат;
Теперь же здесь добра не много,
Ни бога, даже ни пол-бога:
Псаря с псарями царят:
Толпой искусных доезжачих,
Кормя борзых собак, мы плачем...»
Вот так однажды я в ночи,
По-над Невою идучи,
Прекрасно думал, и не вижу,
Что за Невой, как из подвала,
Глаза кошачие горят:
То близ апостоловых врат²
Тогда два фонаря блистали.
Очнулся, осенил себя
Святым крестом и трижды плюнул,
И снова думать начал я
Про то ж, про что и прежде думал.

13 ноября 1860 г.

С.-Петербург

¹ Опоганенные палаты — Зимний дворец.

² Близ апостоловых врат — вблизи от ворот Петропавловской крепости.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты стихотворений взяты из отдельных изданий Федора Сологуба: Стихи, кн. 1, СПб., 1896; Собрание сочинений, изд. «Сирин», СПб., т. I; «Лазурные горы», т. V; «Восхождение», т. IX; «Змеинные очи», т. XIII; «Жемчужные светила», т. XVII; «Очарование земли». «Пламенный круг», кн. 8, изд. «Золотое Руно», М., 1908; «Родине». Стихи, кн. 5, СПб., 1906; «Змий». Стихи, кн. 6, СПб., 1907; «Алый мак». Книга стихов, «Моск. книгоиздательство», 1917; «Фимиамы», изд. «Странствующий Энтузиаст», П., 1921; «Одна любовь». Стихи, П., 1921; «Костер дорожный», изд. «Творчество», М.—П., 1922; «Свирель» (Русские бержереты), изд. «Petropolis», П., 1922; «Соборный благовест», изд. «Эпоха», П., 1922; «Чародейная чаша», изд. «Эпоха», П., 1922. Стихотворения: «Ах, этот вечный изумруд» и «Дон-Кихот путей не выбирает» печатаются по «Запискам передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской», П., 6 ноября 1923 г., № 64. Стихотворение «Не слышу слов, но мне понятна твоя пророческая речь» печатается по тексту «Русского Современника», кн. 1, Л.—М., 1924.

Стихотворения: «Мой верный вождь» и «Она придет ко мне» публикуются по рукописям.

Переводы Верлена печатаются по изданию «Полю Верлен. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом», изд. 2, испр. и дополн., изд. «Петроград», П. — М., 1923.

В связи с публикацией стихотворения «В его саду растет рябина» Главным управлением по делам печати было возбуждено против издателя судебное преследование (см. Дело I Отделения Канцелярии Главного управления по делам печати № 101, 1907, ч. 2, ЛОЦИА).

Датировка стихотворений, у которых отсутствует при публикации дата, сделана по рукописным текстам. Отмечаем, что отдельные произведения создавались в разные сроки. Так стихотворение «Лихо» датируется: первые 8 строк — 30 декабря 1891 г., 9—10 строчки — 26 января 1892 г., и только последние 6 строк — 2 апреля 1893 г. Обычно нами указывается дата окончания стихотворения.

Рукописные тексты часто у Сологуба отличаются от печатных, кроме того после публикации автор вносил в печатный текст ряд исправлений. В связи с общим характером издания, как правило, нами публикуются печатные тексты. Стихотворение «Вьетса предо мною» печатается по рукописному тексту. В последующих изданиях (см. «Костер дорожный», стр. 25) Сологуб по цензур-

ным условиям выбросил три четверостишия, начиная с «Словно кто собрата» по «На краю могилы».

Стихотворение «На меня ползли туманы» печатается по рукописи.

В стихотворении «Бога милого, крылатого» в пятой строчке от конца вместо печатного: Гибелью был поражен, согласно рукописи исправлено: Был стрелою поражен.

Стихотворение «Коля, Коля, ты за что ж» (напечатанное в т. XIII Собрания сочинений, стр. 213) отнесено нами к концу 1911 г.

Переводы из Рене Венси, Артюра Рембо, Петефи и Наапет Кучак печатаются по рукописям. «Песни любви» Наапет Кучак были опубликованы В. Я. Брюсовым в сборнике «Поэзия Армении». Переводы из Т. Г. Шевченко были опубликованы в изд. «Художественная Литература», Л., 1935. «Кобзарь (Избранные стихотворения) в переводе Ф. Сологуба».

СОДЕРЖАНИЕ

Федор Сологуб. Вступительная статья О. Цехновицера	3
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ариадна	45
«Вьется предо мною»	47
Жарким летом	49
«Где ты делась, несказанная»	50
Сон	51
Золушка	52
«По жестоким путям бытия»	54
«Тепло мне потому, что мой уютный дом»	55
«Туман не редает»	56
Выбор	57
«С врагом сойдясь для боя злого	58
«Зачем, скажи»	59
«Родился сын у бедняка»	60
«Уж не тянись, как прежде, я»	61
«Душе моей, страдающей жестоко»	62
«Душою чистой и незлобной»	63
«Уйдешь порой из солнечной истомы»	64
«Голос наш ужасен»	65
«Полно плакать, — вытри слезы»	66
Ирива	67

«Вот у витрины показательной»	69
Лихо	70
«Тень решетки прочной»	71
«Словно бусы, сказки нижут»	72
«Нет, не любовь меня влекла»	73
«О смерть! я твой. Повсюду вижу»	74
«Блажен, кто пьет напиток трезвый»	75
«Мечтатель, странный миру»	76
«Проходит она торопливо»	77
Возвращение	78
Неурожай	80
«О царица моя! Кто же ты? Где же ты?»	81
Швея («Истомила мечта»)	83
«Предрассветный сумрак долог»	85
«Где грустят леса дремливые»	86
«Думы черные лелею»	87
«Есть тайна несказанная»	88
«Я душой умирающей»	90
«Я люблю всегда далекое»	92
«Толпы домов тускнели».	93
«Птицы черные толпою»	95
«На серой куче сора»	96
«Я без цели, угрюм и один»	97
«Я лицо укрыл бы в маске».	98
«Дорогой скучно-длинною»	99
«Царевной мудрой Ариадной»	100
«Вывески цветные»	101
«Запах асфальта и грохот колес»	102
«К толпе непонятной и зыбкой»	103
«В тишине бездыханной ночной»	104
«Не понять мне, откуда, зачем»	105
«На песке прихотливых дорог»	107
Пилигрим	109

«Не люблю, не обольщаюсь»	110
«Путь мой трудный, путь мой длинный»	111
«Из мира чахлой нищеты»	112
«Люблю мое молчанье»	113
«Вижу зыбку над могилой»	114
«Я — бог таинственного мира»	115
«Поднимаю бессонные взоры»	116
«Просыпаюсь рано»	117
«Побеждайте радость»	119
«На меня ползли туманы»	120
«Ты печально мерцала»	122
«Живы дети, только дети»	123
«В поле не видно ни зги»	124
«Час ночной отраден»	125
«Полуночную порою»	126
«Под звучными волнами»	127
«Суровый друг, ты недоволен»	129
«Закрывая глаза, я целую тебя»	130
«Не надейся, не смущайся»	131
«О владычица смерть, я роптал на тебя»	132
«Птицы ранние чирикали»	133
«Не стоит ли кто за углом?»	134
«Я лесом шел. Дремали ели»	135
Докука-ворог	136
«Отвори свою дверь»	137
«Я иду от дома к дому»	138
Окно ночное	139
«В его саду растет рябина»	140
«Холод повеял в окно»	141
«Не говори, что мы устали»	142
«Мечты о славе! Но зачем»	143
«Скучная лампа моя зажжена»	145
«Вот минута прощальная»	146

«На улицах пусто и тихо»	147
«Там тишина с мечтой слеталась»	148
«Камыш качается»	149
«Друг мой тихий, друг мой дальний»	150
«Полночь, а не спится»	151
«Звезда Маир сияет надо мною»	153
«На Ойле далекой и прекрасной»	154
«Все, чего нам здесь недоставало»	155
«Мы скоро с тобою»	156
«Мой прах истлеет понемногу»	157
«Бесстрастен свет с Маира»	158
«Громадный живот»	159
«Опять в лазури ясной»	160
«Если трудно мне жить, если больно дышать»	161
«Ветер в трубе»	162
«Для чего в пустыне дикой»	163
«Дни безрадостно пустынные»	164
«Суровый звук моих стихов»	165
«Вести об отчизне»	166
«Недотыкомка серая»	167
«Рассвет полусонный, я очи открыл»	168
«И я возник из бездны дикой»	169
«Земле раскрылись не случайно»	170
Ангел благого молчания	171
«Не доживу до светлых дней»	173
«Преодолев тяжелое косненье»	174
«Не кончен путь далекий»	175
«Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?»	177
«Я печален, я грешен»	178
«Поклонюсь тебе я платой многою»	179
«Прозрачный сок смолистый»	180

«Он песни пел, пленял он дев»	182
«Не я воздвиг ограду»	184
Простая песенка («Под остриями»)	185
«Порочный отрок, он жил один»	186
«Как часто хоронят меня!»	187
«В предутренних потьмах я видел злые сны»	189
«Ветер тучи носит»	190
«Быть простым, одиноким»	191
«Я сжечь ее хотел, колдунью злую»	193
«Оргийное безумие в вине»	194
Елизавета	195
«В село из леса она пришла»	197
«Равно для сердца мило»	198
«В тихий вечер на распутии двух дорог»	199
«Опять заря смеяться стала»	200
«Люблю блуждать я над трясинною»	201
«Детский лепет мне несносен»	202
«Когда я в бурном море плавал»	204
«Благоухающий и бледный»	206
Гимны родине	207
«Мы поклонялись владыкам»	209
Медный змий	211
«На гармонике рев трепака»	214
Царица красоты	215
«Алой кровью истекая в час всемир- ного томленья»	217
Алмаз	217
«Высоко я тебя поставил»	221
«Обольщенья и печали»	222
«Я жил как зверь пещерный»	223
«Я один в безбрежном мире, я обман личин отверг»	225

«Насытив очи наготою»	227
«Люби меня ясно, как любит заря»	229
«Наивно верю временам»	230
Соборный благовест	231
«Преодолея я дикий холод»	234
Жестокие дни	235
Восход солнца	236
Иван-царевич	238
«Высока луна господня»	239
«Пришла ночная сваха»	241
Собака седого короля	242
Плененные звери	246
«День сгорал, недужно бледный»	247
«В чародейном темном круге»	248
Швея («Нынче праздник. За стеною»)	249
Земле	251
«День безумный, день кровавый»	252
Искали дочь	254
Спутник	256
Ходит, бродит	258
Весёлая народная песня («Что вы, старцы, захудали»)	260
«Не трогай в темноте»	261
Волшебница Лилит	263
Злая ведьма	265
* «Злой, золотой, беспощадно ликующий змей»	266
«Я спешил к моей невесте»	267
«Догорало восстанье»	268
Жалость	270
* Тихая колыбельная	271
* Нюрнбергский палач	273

Лунная колыбельная	276
«Жизнь моя, змея моя!»	278
«Все было беспокойно и стройно, как всегда»	279
Чортовы качели	280
«Заряла, озаряла»	282
«Вздымалось облако пыли»	283
«Опять ночная тишина»	285
«Там, где улицы так гулки»	287
«Досталась мне странная доля»	289
«Коля, Коля, ты за что ж»	290
«Плещут волны перебойно»	292
«Там, внизу, костры горели»	294
«Самоуверенный и надменный»	295
«Лиловато-розовый закат»	297
«Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая и злая»	298
«По дорожке солнечного сада»	299
«Откачнись, тоска моя, чудовище»	300
«Беден дом мой пасмурный»	301
«Только забелели поутру окошки»	303
«Ты живешь безумно и погано»	304
«Продукты сельского хозяйства»	305
Жуткая колыбельная	306
Парижские песни	309
Пьяный поэт	312
Маргрета и Леберехт	313
Гадание	315
«Есть вдохновенье и любовь»	316
«Год испытаний, год суровый!»	317
Хозяйственные заботы	319
На Вогге	320
Объявления	321

«Хнык, хнык, хнык!»	322
«Душа моя, благослови»	324
«Народ торжественно хоронит»	325
«Девочка-луна»	326
«Расточитель»	327
«Астероид»	329
«Я испытал превратности судеб»	330
«Баллада о высоком доме»	332
«В лес пришла пастушка»	334
«Ах, лягушки по дорожке»	335
«Погляди на незабудки»	336
«Душа опять звучит стихами»	337
«Бога милого, крылатого»	338
«Нет словам переговоров»	340
«Я вышел из потайной двери»	342
«Она придет ко мне, — я жду»	344
«Мой верный вождь, мой друг и госпожа»	345
«Бессмертною любовью любит»	346
«Порой томится Дульцинея»	347
«Кругом насмешливые лица»	348
«Дон-Кихот путей не выбирает»	349
«Не слышу слов, но мне понятно»	351
«Ах, этот вечный изумруд»	352

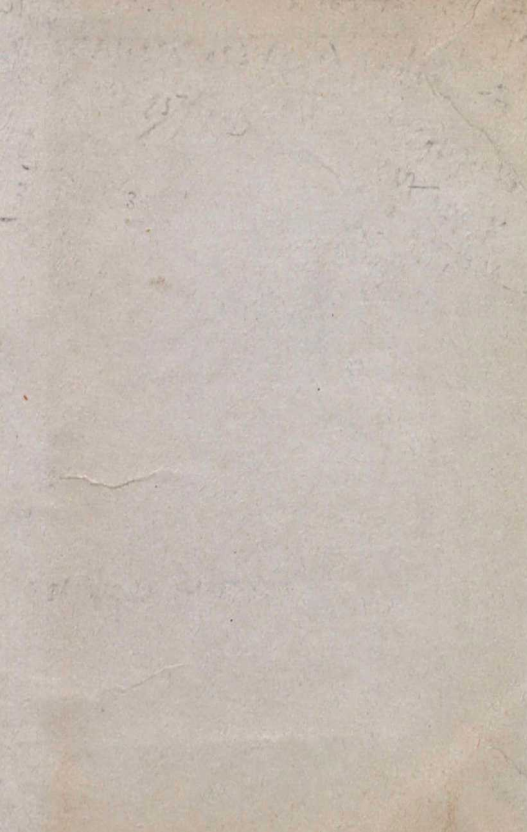
ПЕРЕВОДЫ

Рене Венси

Совет («Дитя, ты так тонка, что ка- жешься мечтой»)	355
--	-----

Артур Рембо

Месня с самой высокой башни	356
---------------------------------------	-----

2010389994